
Б.А. Хейфец

КАКИМ МАРШРУТОМ ПОЙДЕТ РОССИЯ
ПО ОДНОМУ НЕПРОСТОМУ
КИТАЙСКОМУ ПУТИ

Москва
Институт экономики РАН
2020

Б.А. Хейфец. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М: Институт экономики РАН, 2020. – 62 с.

ISBN 978-5-9940-0666-5

В докладе анализируются последствия для России реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая стала крупнейшим глобальным геоэкономическим проектом в мировой экономике. Продемонстрированы позитивные итоги реализации ОПОП, а также проявившиеся проблемы. Особое внимание при этом уделено долговой ловушке, в которую попадают страны – участницы проекта, взявшие китайские кредиты. Рассматриваются эволюция экономических отношений России и Китая и новые вызовы для России в связи с китайской экспансией в рамках ОПОП. При этом отмечается быстрое превращение Китая в технологическую супердержаву, что требует от России выработки гибкой стратегии развития сотрудничества, где экономические и технологические соображения тесно увязываются с интересами национальной безопасности. Показаны выгоды и преимущества для России от участия в важнейшем направлении ОПОП – «Цифровом Шелковом пути».

Ключевые слова: Один пояс – один путь, инвестиционная экспансия, долговая ловушка, технологическая супердержава, Цифровой Шелковый путь, структурно-технологическая модернизация.

Классификация JEL: F02, F15, O33, O38, O57.

Kheyfets B.A. What route will Russia take along one difficult Chinese path: Scientific report. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 62 p.

The report analyzes the implications for Russia from the implementation of the Chinese project One Belt – One Road (OBOR), which has become the largest global geo-economic project in the world economy. The report shows the positive results of the implementation of the OBOR, as well as the problems that have appeared. Particular attention was paid to the debt trap, which includes countries participating in the project that have taken Chinese loans. It shows the evolution of the economic relations between Russia and China and the new challenges for Russia in connection with the Chinese expansion in the framework of the OBOR. At the same time, China is rapidly turning into a technological superpower, which requires Russia to develop a flexible strategy for the development of cooperation, where economic and technological considerations are closely aligned with national security interests. The benefits and advantages for Russia from participation in the most important area of the OBOR – the Digital Silk Road, are shown.

Keywords: One belt – one road, investment expansion, debt trap, technological superpower, Digital Silk Road, structural and technological modernization.

JEL Classification: F02, F15, O33, O38, O57.

© Институт экономики РАН, 2020
© Хейфец Б.А., 2020
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Позитивные итоги реализации ОПОП	8
Глава II. Риски участия в ОПОП.....	13
Глава III. Долговая ловушка	19
Глава IV. России и ОПОП.....	24
Глава V. Китай становится глобальным технологическим лидером.....	31
Глава VI. «Цифровой Шелковый путь» — возможность или угроза для России?.....	43
Выводы и предложения.....	52
Литература.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная китайская экспансия, элегантно упакованная в проект «Один пояс — один путь» (ОПОП), заставляет Россию выработать адекватную политику в отношении этой далеко идущей инициативы Китая. Пока такой политики нет, но данный вопрос невозможно отложить в долгий ящик.

Дело в том, что за 7 лет, минувших после провозглашения в марте 2013 г. Си Цзиньпином намерения реализовать новый масштабный проект «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути (МШП) XXI века», с одной стороны, произошли значимые изменения в мировой политике и экономике, а с другой — появились новые взгляды на перспективы его развития и выявились существенные проблемы его реализации, требующие заново оценить эффекты участия в ОПОП.

Из-за расширения горизонтов проекта и в связи с желанием дать ему более лаконичное название возникли термины «Один пояс — один путь» и, позднее, «Инициатива Пояс и Путь» (Belt and Road Initiative, или BRI, преобладающий в англоязычной литературе). Но более важно то, что подобный ребрендинг дает более четкое обозначение его главной цели — создание пояса (сети) партнеров (друзей) по всему миру (без привязки к определенному линейному пути).

В конце 2019 г. были опубликованы данные, что Китай в рамках проекта ОПОП подписал 198 документов о сотрудничестве со 167 странами и международными организациями и уста-

новил рабочие отношения с 7 странами по беспрепятственной торговле и с 44 странами по двустороннему инвестиционному сотрудничеству (Zhibua Liu, 2019). На официальном сайте ОПОП среди участников проекта на апрель 2020 г. указаны 144 зарубежных государства, что более чем в 2 раза превышает количество участников (65) в 2013–2014 гг. Многие из данных стран не расположены вдоль первоначально объявленных коридоров ОПОП (см. рис. 1). В то же время некоторые страны в зоне заявленных маршрутов не подписали соглашения об участии в проекте или вышли из него.

Рис. 1. Государства, заявившие об участии в ОПОП в 2013–2020 гг.
Источник: (НКТDC Research, 2020).

Таким образом, по числу участников ОПОП – крупнейший глобальный геоэкономический проект за всю историю существования мировой экономики.

Отчасти неопределенность общего числа участников, приводимая в различных публикациях, связана с тем, что по мере реализации существенно расширяется сам первоначальный проект ОПОП, как в отношении охватываемых секторов человеческой деятельности, так и новых маршрутов. Это «Цифровой Шелковый путь», «Пояс и Путь в стандартизации», «Зеленый путь», «Инновационный пояс и путь», «Чайный Шелковый путь», «Полярный Шелковый путь», «Степной Шелковый путь» и т.п. ОПОП охватил огромные территории по всему миру – от Азии и Европы до Африки,

Латинской Америки, южной части Тихого океана. Население этих государств составляет примерно 60% от мирового, совокупный ВВП оценивается в 35% от мирового и внешняя торговля товарами – 43% мировой торговли (The Emerging Markets Forum, 2019).

Для России крайне важно и то, что ОПОП все сильнее заполняет регион, входящий в сферу ее традиционных интересов. Этот проект стал нести ярко выраженный дезинтеграционный характер для ЕАЭС, многие зарубежные участники которого во все большей мере переключаются на сотрудничество с Китаем в ущерб взаимному сотрудничеству. При этом, если тенденция серьезного сближения с Китаем у Казахстана и Киргизии просматривалась уже давно, то новым моментом стало активное стремление Беларуси развивать разнообразные связи с Китаем в условиях резкого обострения белорусско-российских отношений. К ОПОП присоединились и все остальные страны СНГ, многие из которых стали активными участниками этого проекта.

Особое сожаление вызывает то, что это происходит в силу неспособности России, в отличие от Китая, оказать значимую помощь в структурно-технологической модернизации их экономик, остро необходимой в условиях четвертой промышленной революции. В настоящее время Китай стал одним из глобальных технологических лидеров, при этом в мире все отчетливее просматривается тенденция к формированию двухполюсного технологического пространства (США и Китай), которое будет оказывать сильное влияние на международное разделение труда и расстановку экономических сил в глобальной экономике.

Выдвинутая еще в мае 2015 г. идея сопряжения ЕАЭС, основной движущей силой которого является Россия, и китайского «Шелкового пути», оказалась лишенной современного эффективного содержания. После 3 лет переговоров, в мае 2018 г. было подписано непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, хотя предпринимались попытки подготовить что-то наподобие ограниченного соглашения о современной ЗСТ. Не преуменьшая роль подписанного соглашения, необходимо отдавать себе отчет, что оно отражает недостаточную конкурентоспособность экономик государств ЕАЭС по сравнению с экономикой Китая, который будет развивать либеральные партнерства с госу-

дарствами, прежде всего в рамках ОПОП. В таких условиях каждая из стран ЕАЭС поставлена перед необходимостью выработки самостоятельной политики в отношении взаимодействия с Китаем.

В данной связи чрезвычайно важно определиться с такой политикой и России, которая достигла высочайшего в своей истории уровня развития политических отношений с КНР («отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия»), однако не преуспела в экономическом и научно-технологическом взаимодействии со второй экономикой мира. Эта задача дополнительно осложняется необходимостью учета не только российских национальных интересов, но и интересов ее партнеров по ЕАЭС, а также продвижения взаимовыгодных совместных решений.

Перед автором настоящего доклада были поставлены две основные задачи. Во-первых, оценить изменение концепции ОПОП и проанализировать ход ее реализации в 2013–2020 гг., а также проблемы, возникающие на этом пути, и сделать соответствующие выводы для участия в данном проекте России и других стран ЕАЭС. Во-вторых, рассмотреть основные тенденции развития сотрудничества России и Китая и выявить возможные направления повышения его эффективности в контексте реализации проекта ОПОП, особенно с точки зрения его использования для ускорения процессов структурно-технологической модернизации России.

Хочу выразить искреннюю благодарность Н.С. Степанову за предоставленные материалы и техническую помощь, оказанную при подготовке доклада.

ПОЗИТИВНЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ОПОП

Реализация ОПОП дает ощутимые позитивные результаты. В 2014–2019 гг. внешняя торговля товарами Китая со странами, поддерживающими ОПОП, достигла 6,4 трлн долл., ее среднегодовые темпы роста составили более 25%, т. е. были значительно выше темпов экономического роста. Китай стал главным торговым партнером для 25 стран, участвующих в ОПОП.

При этом еще быстрее развиваются новые формы взаимодействия. Так, в 2018 г. объем интернет-торговли Китая со странами, поддерживающими ОПОП, превзошел 20 млрд долл., увеличившись на 50% по сравнению с 2017 г. По предварительным данным, в 2014–2019 гг. объем ПИИ Китая в страны ОПОП достиг 110 млрд долл., а контрактов на выполнение подрядных работ за этот период, подписанных со странами-участницами ОПОП, – 750 млрд долл. В свою очередь, связанные с ОПОП страны инвестировали в китайскую экономику порядка 50 млрд долл. и создали 21 тыс. иностранных предприятий в китайской юрисдикции (The Telegraph, 2019).

ОПОП по данным финансовым показателям уже превзошел знаменитый план Маршалла, предложенный после Второй мировой войны США европейским странам. В рамках данного плана с 1948 по 1951 гг. США вложили в реконструкцию Европы 13 млрд долл. (эквивалентно 115 млрд долл. в текущих ценах). Это соответствовало примерно 1% ВВП США и принимающих помощь

европейских стран в расчете на год. Объем китайских вложений в страны ОПОП в 2014–2018 гг. составлял 0,8% китайского ВВП и 0,7% ВВП принимающих стран ежегодно (*Kozul-Wright, Poon, 2019*). По оценкам, общие затраты на реализацию проектов ОПОП могут составить от 4 до 8 трлн долл. (*Desjardins, 2018*).

За 2014–2018 гг. между Китаем и странами ОПОП было открыто 1239 новых международных маршрутов, что составляет 69,1% от общего числа данных маршрутов за этот период (*Канцелярия, 2019*). Строительство масштабных инфраструктурных проектов будет продолжаться (см. рис. 2).

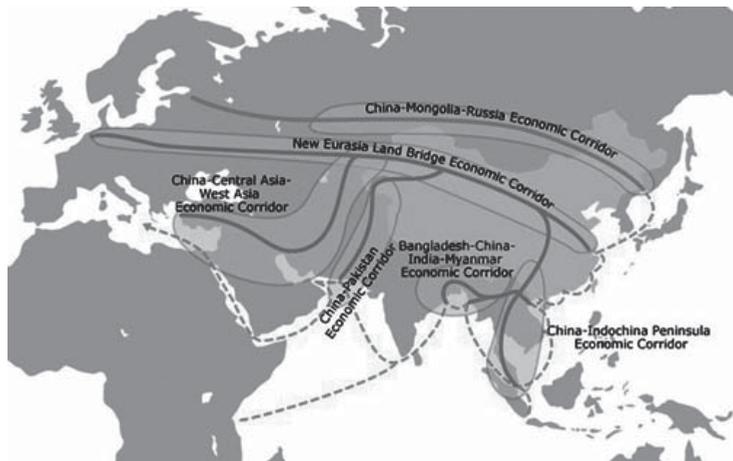

Рис. 2. Трансграничные маршруты ОПОП

Источник: (*Desjardins, 2018*).

В 2019 г. большая группа экспертов Всемирного банка опубликовала объемное аналитическое исследование об ОПОП, в котором делается вывод, что данный проект потенциально может существенно увеличить межгосударственную торговлю и инвестиции, а также улучшить условия жизни граждан. Потенциал роста торговли оценивается в 30%, инвестиций – в 70%. Многие страны – участницы проекта, особенно государства с низким уровнем дохода и, как правило, слабо интегрированные в региональные и мировые рынки и в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, могут получить дополнительные возможности для развития (*The World Bank, 2019*).

Проект ОПОП вызвал широкий резонанс в мировом сообществе. При этом наряду с позитивными откликами и ожиданиями появилось немало критических высказываний. В данной связи попытаемся изложить собственное видение ситуации в связи с реализацией ОПОП, уделив особое внимание ее последствиям для России.

ОПОП можно рассматривать как особый вид экономического партнерства. Идея его формирования была озвучена в период, когда начались переговоры по принципиально новым трансрегиональным экономическим партнерствам – Транстихоокеанскому (ТТП) и Трансатлантическому (ТАТИП), с инициативой создания которых выступил бывший президент США Барак Обама. Их отличала практически полная либерализация взаимной торговли товарами и услугами (упраздняясь свыше 90% импортных пошлин и отменялись нетарифные ограничения (WEF, 2016), а также трансграничного перемещения инвестиций). Кроме того, вводились некоторые современные правила регулирования экономики и взаимного сотрудничества в части защиты интеллектуальной собственности, происхождения продукции, предотвращения недобросовестной конкуренции, охраны окружающей среды и т.п. Эти правила были обязательными для всех участников новых экономических партнерств и нашли практическое отражение в уже вступивших в силу: Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнерстве («новом ТТП», возникшем после выхода из старого соглашения США); Всеобъемлющем экономическом и торговом соглашении между ЕС и Канадой; Соглашении об экономическом партнерстве между ЕС и Японией; ЕС и Сингапуром; Соглашении о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕС и Вьетнамом.

В отличие от этих экономических мегапартнерств в ОПОП предусмотрен мягкий подход к участию в данном проекте, не предусматривающий принятия на себя конкретных обязательств, т. е. заключения одного основного договора; достаточно публично заявить об одобрении проекта и подписать меморандум. Это открывает путь к политическому, экономическому или научно-техническому взаимодействию с Китаем в рамках ОПОП.

В ОПОП будет несколько десятков ЗСТ, уровень взаимодействия их участников будет различным, будут также исполь-

зоваться другие, апробированные в международной практике, формы экономического взаимодействия. Например, по состоянию на конец 2019 г., в уже сформированных зонах экономического и торгового сотрудничества в рамках ОПОП проводили операции 4,5 тыс. китайских компаний, они создали более 300 тыс. рабочих мест, инвестировали в эти зоны около 34 млрд долл. и выплатили 2,8 млрд долл. в виде налогов и сборов в местные бюджеты принимающих стран (Zhibua Liu, 2019).

Присоединиться к ОПОП могут любые заинтересованные государства, организации и бизнес-структуры, которые имеют возможность самостоятельно выбрать желательный для себя уровень и формат сотрудничества. Поэтому этот проект может быть отнесен к категории *гибридных экономических партнерств* (Хейфец, 2019). При этом Китай не отказывается от использования других форм регионализации, в том числе по модели либеральных экономических мегапартнерств. Так, он выступает основным инициатором создания Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), переговоры по которому ведут 10 государств АСЕАН, а также Китай, Республика Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия.

В то же время ОПОП является отражением китайской политики «мягкой силы», которая предусматривает последовательную и постепенную внешнеполитическую и внешнеэкономическую экспансию Китая в глобальную экономику. Она выражается в целом ряде стратегических проектов – ШОС, БРИКС и БРИКС плюс, «Партнерство для Новой промышленной революции» и т. п. При этом ОПОП может стать самым успешным подобным проектом в силу охвата на порядок большого количества стран и постоянного расширения сфер сотрудничества, учитывающего изменяющиеся условия глобального развития.

Есть еще одна важнейшая предпосылка для его реализации – серьезная материальная база, которой обладает Китай. На начало 2017 г. «большая четверка» коммерческих китайских банков, принадлежащих государству, – Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Китайский строительный банк и Промышленный и коммерческий банк Китая – финансировала займы и приобретение акций для проекта ОПОП (51% финансирования). 38% этого финан-

сирования пришлось на государственный Китайский банк развития и только 11% – на Экспортно-импортный банк Китая и совсем недавно начавшие свою деятельность новые организации – Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС (IBON International, 2019).

В этом плане ОПОП, на первый взгляд, более привлекательный проект для третьих стран, чем выдвинутая Россией в 2016 г. сходная идея создания «Большой Евразии» – от Лиссабона до Владивостока, у которой нет подобной экономической финансовой подпитки. Еще одним преимуществом ОПОП становится технологическое лидерство Китая, о котором речь пойдет ниже.

РИСКИ УЧАСТИЯ В ОПОП

Было бы ошибкой считать, что у ОПОП нет серьезных оппонентов как из развитых, так и из развивающихся стран. Многие проекты в рамках инициативы ОПОП отменяются, пересматриваются или задерживаются. Принимающие страны переосмысливают расходы и выгоды, которые они получают в результате сотрудничества с Китаем (*Thompson, 2019*).

В ОПОП Китай реализует такую модель финансирования, при которой основная часть займов является целевой, т. е. фактически поступает китайским компаниям — строительным фирмам, производителям различных необходимых товаров и поставщикам услуг. Иными словами, происходит кредитование своих экономических акторов.

При этом не надо переоценивать сравнительно небольшую плату за подобные кредиты (1–3%). Китайские компании, участвующие в подобных проектах, могут заложить свою норму прибыли в цену поставляемых ими товаров и услуг, что дает совершенно другую оценку стоимости китайских кредитов. Кроме того, Китай страхует свои кредиты, беря в их обеспечение с кредитуемых государств самые ликвидные активы. Например, многие займы Венесуэле, Анголе, Эквадору гарантированы поставками нефти. Шри Ланка для поддержки займов на строительства морского порта Хабантота была вынуждена передать Китаю контроль над портом и 15 000 акров земли вокруг него в аренду на 99 лет.

Кроме того, кредитуемые инфраструктурные и производственные объекты, как правило, попадают под управление компаний с китайским участием, что позволяет получать дополнительную операционную прибыль от их эксплуатации.

Эксперты отмечают ряд рисков, которые могут возникнуть при присоединении к проекту ОПОП. Среди них можно выделить следующие:

1) получение китайских инвестиций ведет к контролю китайских инвесторов над отдельными инфраструктурными и производственными проектами, т. е. фактически к ослаблению национального суверенитета. Покупка земли китайскими инвесторами повышает вероятность народных волнений;

2) проекты ОПОП почти всегда связаны с непрозрачными процедурами торгов по контрактам и финансовым условиям, это ведет к закрытости информации по государственным доходам и их использованию, несправедливому распределению прибыли, особенно в добывающей промышленности;

3) данные проекты (в связи с вышесказанным) ведут к усилению коррупции, особенно в тех странах, где и так высок уровень клептократии;

4) они не ориентируются на местные экономические нужды, плохо учитывают региональные условия. Они мало способствуют созданию рабочих мест из-за чрезмерного использования импортируемой китайской рабочей силы. При этом китайские подрядчики часто не передают соответствующие навыки местным работникам;

5) проекты ОПОП во многих случаях не учитывают значительные долгосрочные затраты на эксплуатацию и обслуживание новых инфраструктурных активов, а также их завышенную мощность, превышающую реальные экономические потребности страны, даже с учетом ее внешних связей;

6) данные проекты плохо прорабатываются с точки зрения их влияния на окружающую среду, иногда не проходят соответствующую экологическую экспертизу, что может привести к серьезным последствиям для здоровья населения. Это касается, например, энергетических проектов, связанных с работой на угольном топ-

ливе¹, проектов по добыче полезных ископаемых, крупных инфраструктурных проектов;

7) ОПОП ведет к потенциальной потере внутреннего производственного потенциала, поскольку иностранная конкуренция становится серьезной угрозой для отечественных производителей, которые больше не защищены высокими транспортными расходами и торговыми барьерами. Значительно возрастает и конкуренция отдельных транзитных коридоров из Китая в Европу;

8) китайские инвестиции пока не дают желаемого эффекта диверсификации структуры экономики принимающих их государств и могут их сделать еще более зависимыми от экспорта сырьевых товаров;

9) усиление финансовой нестабильности, повышенный риск дефолта, трудности с погашением и обслуживанием кредитов, о чем подробнее будет говориться ниже;

10) геополитические риски, которые связаны с прохождением некоторых маршрутов ОПОП по неблагоприятным территориям, где существуют национальные или территориальные конфликты. Серьезной угрозой является и усиление экономической и технологической зависимости от одной, хотя и могущественной, страны, которая может быть вовлечена в различные межгосударственные конфликты (*Kliman et al.*, 2019; *The Emerging Markets Forum*, 2019).

Но геополитические риски существуют и для Китая, так как в случае смены правящих режимов в странах — участниках ОПОП возможен пересмотр ранее заключенных соглашений и отказ от уже принятых обязательств.

Вот некоторые примеры неэффективного сотрудничества в рамках проекта ОПОП.

Пакистан отказался сотрудничать с Китаем в сооружении мощной дамбы на реке Инд, инвестиции в которую должны были составить 14 млрд долл. Пакистан не смог договориться и по некоторым другим ключевым проектам. Среди них железная дорога на

1. По некоторым оценкам, в 2018 г. доля «угольных» проектов в ОПОП составила 42% (*Мануков*, 2019).

сумму 10 млрд долл. в Карачи и аэропорт на 260 млн долл. в Гвадаре. Непал отказался от строительства гидроэлектростанции в Будхи-Гандаки стоимостью 2,5 млрд долл., так как заключенные с китайскими компаниями контракты нарушали правила, требующие наличия других предложений от участников торгов. В Танзании правительство долго не могло договориться с Китаем о доле во владении и распределении доходов по строящемуся там порту в Багамоёй стоимостью 10 млрд долл. Таиланд также не доволен долей доходов, которые планировались для национальных компаний, от сооружения с помощью китайских компаний высокоскоростной железной дороги стоимостью 15 млрд долл.

Проект ОПОП сталкивается со все более целенаправленным противодействием со стороны США и ЕС, которые имеют собственные планы по нейтрализации растущего влияния Китая. Прежде всего следует отметить прямой контрпроект, инициатором которого являются США, – Blue Dot Network. Он был запущен в ноябре 2019 г. Корпорацией зарубежных частных инвестиций США (OPIC) в партнерстве с Министерством иностранных дел и торговли Австралии (DFAT) и Японским банком международного сотрудничества (JBIC) для продвижения высококачественных, надежных стандартов развития глобальной инфраструктуры. Blue Dot Network будет оценивать и сертифицировать выбранные проекты на основе соблюдения общепринятых принципов и стандартов для содействия развитию прозрачной и финансово устойчивой инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Усиление роли частного бизнеса, по замыслу инициаторов проекта, позволит последовательно реализовывать принципы транспарентности, стабильности, социальной и экологической ответственности в реализации Blue Dot Network, что прямо отличает его от китайского ОПОП. В то же время Blue Dot Network вряд ли составит серьезную конкуренцию ОПОП, прежде всего в силу значительно меньших финансовых ресурсов. Так, США заявили о расширении своей инвестиционной программы для стран АТЭС через свою Международную финансовую корпорацию только до 60 млрд долл. (Huang, Zhou, 2018).

ЕС в ОПОП в первую очередь беспокоит то, что политическое влияние Пекина, обусловленное его инвестициями в Европу,

является серьезным вызовом сплоченности первого. В 2017 г. Греция наложила вето на совместное заявление ЕС по правам человека в отношении Китая, а в 2016 г. Греция и Венгрия объединились, чтобы избежать критики Китая в совместном заявлении по территориальным вопросам в Южно-Китайском море. ЕС считает, что Китай использует ОПОП для получения контроля над стратегически важными объектами инфраструктуры. Так, за последние 10 лет китайские компании (в основном China Ocean Shipping (Group) Company (COSCO) и China Merchants Port Holdings Company Limited (СМРорт)) приобрели доли в терминалах 13 портов в Европе и Средиземноморье, в том числе в Греции, Испании, Италии, Бельгии, Франции, Голландии, Турции, Марокко и на Мальте. Эти терминалы обрабатывают около 10 % объема грузов, перевозимых европейскими контейнерами (Kakissis, 2018). ЕС стремится серьезно укрепить свое влияние в Центральной Азии. В июне 2019 г. Совет Евросоюза утвердил свою новую стратегию в этом регионе, которая предполагает вывод отношений с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном на более высокий уровень партнерства.

У проекта ОПОП есть немало оппонентов и из развивающихся стран. Это прежде всего Индия, которая не участвовала ни в первом, ни во втором международном форумах высокого уровня по ОПОП. Она выступает против реализации китайского проекта транспортного коридора в Пакистане, который проходит через Кашмир, являющийся спорной территорией. Индия также считает, что данный проект плохо учитывает интересы других стран, многие из которых благодаря сотрудничеству с Китаем загоняются в «долговую ловушку». Индия после 4 лет переговоров в ноябре 2019 г. вышла из почти согласованного соглашения о РВЭП, так как не смогла добиться выгодных для нее условий участия в нем. В рамках РВЭП предполагается обнулить более 92% импортных пошлин во взаимной торговле участников, в то время как снижение этих тарифов даже до уровня 80% могло бы иметь для индийской экономики серьезные последствия. В то же время Индия не смогла получить уступки по чувствительному для нее сектору услуг, где она согласна только на серьезную либерализацию торговли, в том числе в областях, связанных с информационно-коммуникационными услугами.

Серьезные возражения имелись у нее по защите интеллектуальной собственности, где введение РВЭП новых правил могло ограничить доступ к дженерикам, производимым в стране. Индия перестала упоминаться среди участников ОПОП на его официальном интернет-сайте. На второй форум ОПОП в Пекин в 2019 г. не приехали по разным причинам представители Турции, Фиджи, Шри Ланки и Аргентины, которые присутствовали на первом форуме в 2017 г.

ДОЛГОВАЯ ЛОВУШКА

Особого внимания заслуживает вопрос о росте долговой зависимости участников ОПОП перед Китаем. Китай в последние 10 лет стал крупнейшим мировым кредитором. На начало 2018 г. сумма задолженности всех стран мира перед ним составила около 5 трлн долл. (6% мирового ВВП) по сравнению с менее чем 500 млрд долл. в начале 2000-х гг. (1% мирового ВВП). Основная часть задолженности приходится на торговые кредиты – 75%, в то время как на прямые кредиты – 7% и портфельные инвестиции – 8%. Если же учитывать иностранные активы, приобретенные китайскими компаниями, и прямые китайские инвестиции, общие финансовые требования Китая за рубежом составляли в 2017 г. более 8% мирового ВВП (*Horn, Carmen, Reinhart, Trebesch, 2019*).

В 2000 г. произошла активная переориентация китайской экономики на внешнюю экспансию в рамках стратегии «Идти во вне». Это особенно наглядно показывает динамика китайских ПИИ за рубеж до 2017 г. (см. рис. 3).

Реализация ОПОП стала новым этапом в политике внешней экспансии. В результате у отдельных стран-участниц проекта увеличиваются долговые обязательства, связанные с количеством кредитов и импортом китайского оборудования и материалов, что приводит к серьезному росту дефицита счетов по текущим операциям и сокращению истощающихся национальных валютных резервов со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

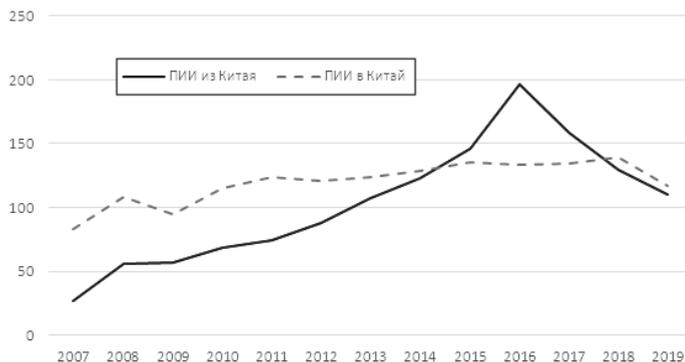

Рис. 3. Китайские ПИИ — новые тренды

Источники: (UNCTAD, 2019b; MOFCOM, 2020).

О росте задолженности отдельных стран перед Китаем свидетельствует информация, представленная на рис. 4.

Как видно из рис. 4, у 40 из 50 должников Китая задолженность перед ним превышает 10% их ВВП, из которых у 5 (Джибути, Тонга, Мальдивы, Республика Конго и Киргизия) она составляет более 30%. Обращает на себя внимание тот факт, что кроме Киргизии высокая долговая зависимость существует у других стран-партнеров России по ЕАЭС и СНГ. Многие из них продолжают привлекать новые китайские кредиты, что может стать проблемой для их экономического развития. Например, Беларусь, занимающая 24-е место в данном рейтинге, увеличила свой государственный внешний долг с 12,4 млрд долл. в начале 2014 г. до 16,6 млрд долл. в начале 2020 г. 48% этой задолженности приходилось на Россию, которая дополнительно осуществляет крупное кредитное финансирование белорусского корпоративного сектора (только на строительство БелАЭС выделяется кредит в размере около 10 млрд долл.). Совокупный же внешний долг Беларуси на начало 2020 г. достиг 40 млрд долл., что составляет 65% от белорусского ВВП.

Обострение российско-белорусских отношений в 2019 г. в связи с изменением российской концепции финансовой поддержки Беларуси привело к усилению ее задолженности перед Китаем, на который уже приходится 20% белорусского госдолга. Россия летом 2019 г. впервые за последние годы отказалась рефинансировать текущую часть данного долга. В то же время с Китаем

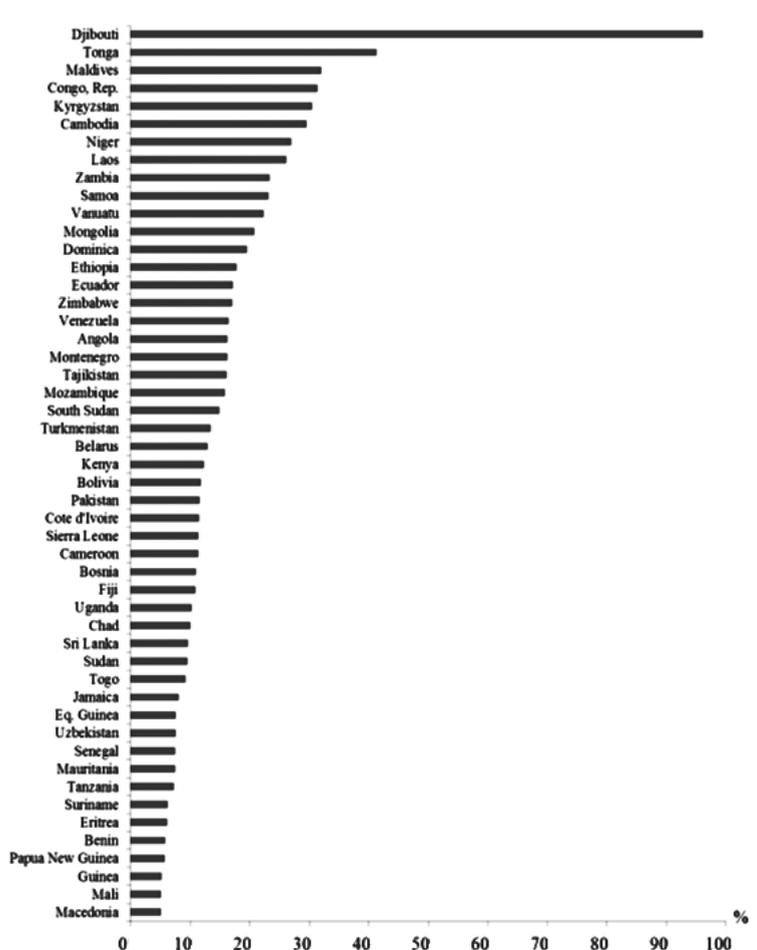

Рис. 4. Доля задолженности перед Китаем у его основных должников в 2017 г. (% от национальных ВВП)

Источник: (Horn, Carmen, Reinhart, Trebesch, 2019).

в декабре 2019 г. было подписано соглашение о срочном кредите на сумму 3,5 млрд юаней (более 500 млн долл.). Есть и другие китайские кредиты по линии банков и корпораций. Например, 7 июня 2016 г. Беларусбанк и Государственный банк развития Китая (ГБРК) подписали кредитное соглашение на 1,4 млрд долл. о строительстве горно-обогатительного комплекса (ГОК) «Славкалий» на сырьевой базе Нежинского участка Старобинского месторождения калийных солей (Минская область).

Не следует забывать, что Беларусь пользуется серьезной кредитной поддержкой Евразийского фонда стабилизации и развития (16% всего внешнего госдолга) Евразийского банка развития, в значительной мере финансируемого Россией, поэтому ослабление финансовой устойчивости этого государства является недвусмысленным вызовом для России и ЕАЭС в целом. Белоруссии же было бы неплохо учитывать уже имеющийся негативный опыт, проявившийся за непродолжительный период реализации ОПОП.

Ярким примером формирования «долговой кабалы» может служить Пакистан, где госдолг составляет почти 70% ВВП. Китай в свою очередь обещал профинансировать за счет кредитов намеченные для строительства объекты еще на 60 млрд долл. Можно упомянуть также Малайзию, где в 2018 г. были заморожены китайские проекты на сумму 22 млрд долл. из-за завышенной цены и количества займов, на которые предоставляются государственные гарантии.

Такого рода долговые проблемы наблюдаются в Непале, Индонезии, Мьянме, Бангладеш, Шри Ланке и некоторых других азиатских странах, где участники ОПОП сокращают дорогостоящие контракты или вовсе отказываются от них из-за опасения невыплаты предлагаемых им китайских кредитов. Подобная ситуация складывается и в некоторых африканских государствах, и в Латинской Америке, и даже на европейском континенте (Хейфец, Степанов, 2019).

Усиление долговой неустойчивости в результате участия в ОПОП многих стран вызывает тревогу у МВФ и крупных кредиторов, входящих в Парижский клуб, у которого есть апробированные в 1990–2000-е гг. схемы реструктуризации задолженности бедных стран, сильно отягощенных внешним долгом. Дело в том, что некоторые участники ОПОП уже обращаются за помощью в связи с затруднениями по обслуживанию долга, возникшими по новой задолженности перед Китаем, к этим международным организациям (Hurley, Morris, Portelance, 2018). Т. е. долговая устойчивость национальной экономики все в большей мере превращается в международную проблему, угрожающую стабильности развития. В свою очередь Китай, понимая всю сложность ситуации с задолженностью зарубежных реципиентов и негативную реакцию авторитет-

ных международных институтов, собирается модернизировать свою политику зарубежного кредитования, включая систему обслуживания и реструктуризации ранее выданных кредитов. Об этом было официально объявлено на втором форуме ОПОП в Пекине в апреле 2019 г. (Huang, Zhou, 2018). Как отмечают некоторые эксперты, с конца 2018 г. китайские финансовые регуляторы стали жестко ограничивать как внутреннее, так и зарубежное кредитование, особенно бедных стран. Новые контракты по ОПОП резко упали. Топ-лидеры практически перестали упоминать эту программу (Bradsher, 2020).

Проблемы с долговой зависимостью зарубежных участников ОПОП могут усугубиться в связи с разразившейся в 2020 г. пандемией коронавируса COVID–19 (Vinokurov, 2020). Они будут связаны как с замедлением экономического роста должников и всей глобальной экономики, так и с уменьшением финансовых возможностей самой КНР, которой потребуется пока неизвестное время для восстановления экономического потенциала. МВФ и Всемирный банк в марте 2020 г. уже обратились к странам-кредиторам с призывом облегчить долговое бремя странам, тяжело отягощенным долгом.

Де-факто Россия участвует в ОПОП по своеобразной схеме. В мае 2015 г. по ее инициативе было заключено соглашение с Китаем, предусматривавшее постепенное сопряжение проектов «Шелкового пути» и ЕАЭС. Использование ЕАЭС, включающего страны из стратегического окружения Китая, как одной из сторон сопряжения позволяло усилить гибкость переговорных позиций России. В то же время Китай, который был заинтересован в широком международном признании своего проекта, дипломатично согласился с такой схемой, хотя не понимал до конца уровень компетенций и структуру управления ЕАЭС и предпочитал двусторонние договоренности.

Несмотря на то, что понятие «сопряжение» толковалось достаточно широко и расплывчато, многие китайские и некоторые российские эксперты считали, что речь должна идти о создании преференциальной ЗСТ (*Хейфец, 2016*). Именно в это время началась подготовка Соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, а также изучение возможностей разработки подобных соглашений с другими странами. Однако проработка вопросов образования ЗСТ ЕАЭС – Китай показала, что страны ЕАЭС не готовы к такой форме взаимодействия, даже при условии максимального ограничения правил свободной торговли. Неслучайно, что вопрос обсуждался в течение трех лет и закончился в мае 2018 г. подписанием непреференциального торгово-экономического соглашения ЕАЭС и Китая. Это соглаше-

ние создало определенную базу для дальнейшего развития отношений в таком формате, однако носит слишком общий и необязательный характер и является формальным ответом на пожелания лидеров России и Китая по тесному сопряжению ЕАЭС и ОПОП.

В силу различных причин не реализовались и некоторые широко разрекламированные в СМИ проекты, которые могли бы способствовать развитию ОПОП на территории России, например, высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань. Китай не заинтересовался в участии в модернизации БАМа и Транссиба, которая требует чрезмерных инвестиций.

Не удалась и попытка вписать в «Шелковый путь» проект высокоскоростной железной дороги «Евразия» – из Пекина через Москву в Берлин. Этот проект стоимостью почти 10 трлн руб. был признан нерентабельным крупнейшей компанией КНР по строительству железных дорог China Railway Eryuan Engineering Group. Китай предпочел запустить альтернативный Транскаспийский международный транспортный маршрут через Казахстан, Азербайджан, Грузию и Турцию. Он включает 10 тыс. км железнодорожных сетей, 10 морских портов, 70 тыс. ед. подвижного состава (Китайский «шелковый путь», 2019).

Не оправдались надежды на китайские кредиты, необходимость в которых остро возросла в условиях западных санкций. Китай отказался от финансирования трубопровода «Сила Сибири», для которого «Газпром» был вынужден искать другие источники (9 млрд долл.) (Financial Times, 2018). Также не удалось взять китайские кредиты на достройку крупнейшего в России завода по переработке газа в Амурской области.

Те немногие займы, которые были получены, по большей части исходили от государственных ЭксимБанка и Китайского банка развития, ставивших условия закупки на заемные средства товаров и услуг только в Китае. Многим россиянам, имевшим счета для коммерческой деятельности в китайских банках, приходили сообщения с требованием представить реквизиты для перевода средств, иначе первые угрожали заморозить (Коростиков, 2019). В этом отношении сказались западные санкции против России, к которым Китай хотя и не присоединился де-факто, но учитывал связанные с этим риски.

Из разовых инвестиционных проектов можно упомянуть сделку Фонда Шелкового пути (ФШП), которую лишь условно можно отнести к ОПОП. ФШП в 2016 г. купил за 1 млрд евро около 9,9% в проекте НОВАТЭКа «Ямал СПГ», 20% акций которого в 2013 г. приобрела китайская CNPC. В январе 2017 г. Sinopac стала обладателем 10% компании СИБУР за 1,3 млрд долл. В июне 2017 г. «Роснефть» продала компании Beijing Gas 20% акций «Верхнеконскнефтегаза» за 1,1 млрд долл.

Не удалось добиться больших успехов во внешней торговле товарами с Китаем, ее уровень 2014 г. был превзойден только в 2018 г. (см. рис. 5). В 2019 г. была достигнута рекордная планка взаимной торговли в 110,9 млрд долл., и Китай уверенно стал лидером среди российских страновых партнеров (16,6% всего оборота). Однако доля 28 государств Евросоюза, хотя и снизилась в 2014–2019 гг. с 48,1 до 41,7%, оставалась высокой, что свидетельствует об очень постепенной переориентации торговли с западного направления на восточное. В 2018–2019 г. Россия получила положительное сальдо торговли за счет роста экспорта преобладающих в нем традиционных топливно-сырьевых товаров.

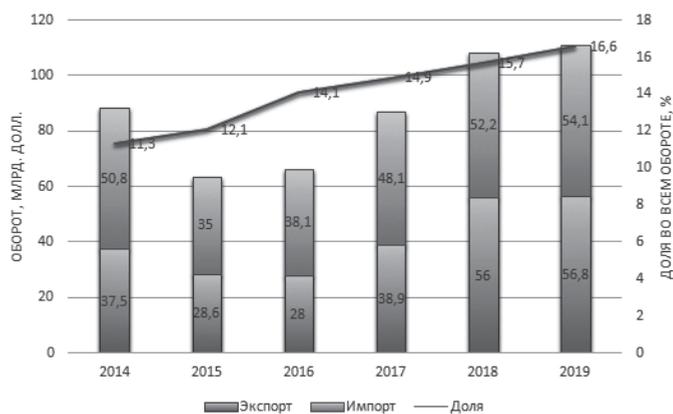

Рис. 5. Внешняя торговля товарами России с Китаем в 2014–2019 гг.
Источник: (ФТС, 2020).

Расширяется, хотя и не так быстро, как ожидалось, объем расчетов в рублях и юанях во взаимной торговле. К примеру, в 2014–2019 гг. доля расчетов в юанях в российском экспорте уве-

личилась с 1 до 6%, в импорте – с 5 до 24%, соответствующие доли расчетов в рублях продемонстрировали рост в экспорте – от 1 до 9%, и импорте – от 1 до 6%. Новая девальвация российского рубля в первом квартале 2020 г. была на порядок серьезнее (свыше 20%), чем у китайского юаня (всего 1,5–2%), и еще раз показала утопичность планов равновесного «сопряжения» двух разных по своему экономическому потенциалу валют.

С 2016 г. не удается реализовать проект по размещению на Московской бирже по российскому законодательству бондов, номинированных в юанях. Это позволило бы привлечь в Россию дополнительные капиталы. Однако эта идея противоречит финансовой политике Китая, который допускает зарубежных заемщиков для приобретения панда-бондов, обращающихся только на китайском рынке. Для выведения денег за пределы КНР необходимо специальное распоряжение.

Все это несколько охладило отношение России к проекту ОПОП, в то время как другие страны ЕАЭС предпочитали договариваться с Китаем на двусторонней основе и добились благодаря этому большего прогресса в интеграции с китайской экономикой, чем Россия (Глинкина, Куликова, Тураева, Голубкин, Яковлев, 2018). Иными словами, ОПОП стал конкурентным проектом с ЕАЭС, фактически «размывая» его и вызывая серьезные дезинтеграционные тенденции в данном объединении.

В 2019 г. произошел очевидный перелом во взаимоотношениях России и Китая и наметилась линия на углубление их экономического взаимодействия. В определенной мере это связано с обострением отношений Китая с США и их разразившейся экономической войной. Россия, конечно, не может в экономическом плане заменить Америку, однако в столь жестком геополитическом и геоэкономическом противостоянии Китаю нужен более тесный контакт с авторитетным и мощным в военном отношении союзником, каким и является наша страна. Кроме того, в настоящее время чисто экономическая выгода не всегда является главенствующим принципом. В современных условиях на первый план часто выходят вопросы национальной безопасности. Это касается, например, транзита через Россию, который может быть дороже альтернативных вариантов, но он является более надежным маршрутом.

На новом этапе отмечается расширение российско-китайского сотрудничества в разных областях. Прежде всего, это сфера энергетики. В 2019 г. НОВАТЭК заключил соглашения с китайскими компаниями СНООС и СНОДС (дочерняя структура СNPC) по продаже каждой из них по 10% в проекте по сжижению газа «Арктик СПГ–2». Были заключены долгосрочные контракты на поставку сжиженного природного газа (СПГ) в КНР, однако в связи с новыми прогнозами его потребления в Китае возникла опасность их пересмотра.

В ответ на такие шаги со стороны России Китай открывает некоторым российским компаниям доступ на свой рынок. НОВАТЭК и «Газпромбанк» подписали соглашение с китайской нефтехимической компанией Синорес, которое не только позволяет гарантировать сбыт производимого СПГ, но и открывает возможности инвестирования в развитие сегмента конечного потребления на одном из крупнейших и быстрорастущем рынке газа и СПГ в мире (Лехух, 2019).

Россия согласилась увеличить объем поставок по «Силе Сибири» с 38 млрд (уровень 2024 г.) до 44 млрд куб. м. Рассматривается возможность строительства второго газопровода в Китай через территорию Монголии. В то же время нельзя не учитывать серьезную конкуренцию других экспортеров энергоресурсов. Упомянем только новые договоренности Китая и США (январь 2020 г.), согласно которым из обязательств китайской стороны увеличить свой импорт из США на 200 млрд долл. в год 26,5%, или 53 млрд долл., приходится на нефть, газ и уголь (Бер, 2020), что немного меньше, чем весь российский экспорт в Китай в 2019 г. (56,8 млрд долл.). Нужно иметь в виду и четыре ветки так называемого Великого среднеазиатского газового пути, прошедшего по территории пяти стран (Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана), который конкурирует с российскими проектами. Чрезвычайная ситуация с пандемией COVID–19, вызвавшая существенное сжатие спроса и падение цен, лишней раз показала высокую уязвимость инфраструктурно затратной экспортной стратегии, ориентированной на газ и нефть, на конкурентном китайском рынке.

Новым перспективным направлением участия России в проекте ОПОП может стать привлечение Китая к освоению полез-

ных ископаемых в арктической зоне и к использованию Северного морского пути (СМП), который китайская сторона рассматривает как один из маршрутов своего «Полярного Шелкового пути»². Грузооборот СМП к 2024 г. должен составить 80 млн т. По некоторым оценкам, после 2020 г. КНР сможет осуществлять по СМП от 5 до 15% своих контейнерных перевозок из Шанхая и Даляня в Мурманск (РФ) либо Киркенес (Норвегия) (Pettersen, 2013).

Китай подключится к программе строительства ледоколов, которые обеспечат круглогодичную эксплуатацию СМП. В 2019 г. НОВАТЭК, «Совкомфлот», COSCO и Фонд Шелкового пути заключили соглашение о создании СП по развитию флота ледокольных танкеров арктического класса – ООО «Морской арктический транспорт». При этом китайская сторона обещала предоставить большую часть заемных средств для строительства арктических судов.

В то же время нельзя забывать об имеющемся глубинном противоречии интересов России и Китая в оценке юридического статуса СМП, которое может обостриться при определенных обстоятельствах. Китай, не являясь арктической страной, рассматривает Арктику как крупный международный регион и считает, что ее развитие должно определяться на основе консенсуса широкого круга заинтересованных стран. В данной связи Китай обеспокоен расширением суверенных прав арктических государств и увеличением исключительной экономической зоны, в первую очередь России, так как в этом случае зона международных арктических вод значительно сокращается (Хейфец, 2018).

Расширится сотрудничество России и Китая и во многих других сферах экономики. На начало 2019 г. в инвестиционном портфеле российских и китайских компаний рассматривалось 70 совместных проектов на сумму свыше 20 млрд долл. в таких сферах, как сельское хозяйство, добыча и переработка полезных ископаемых, легкая и текстильная промышленность, производство стройматериалов и изделий бытовой электроники, строительство объектов инфраструктуры и некоторых других (РИА Новости, 2019).

-
2. «Полярный Шелковый путь» будет раздваиваться в Беринговом проливе. Западный маршрут должен пойти по Северному морскому пути (СМП) и свяжет Китай с Россией и Скандинавскими странами – Швецией, Норвегией, Финляндией. Восточное направление – с Канадой, Данией, включая два ее автономных региона – Гренландию и Фарерские острова, Исландией.

Важно и то, что будет усиливаться участие негосударственного бизнеса в проекте ОПОП. Так, намечается строительство платной автотрассы «Меридиан», которая протянется от Казахстана до Белоруссии и обеспечит кратчайшую сухопутную связь между Китаем и Европой. Ее сооружение потребует инвестиций примерно в 9,5 млрд долл. Автотрасса станет частью ОПОП и может переместить часть грузооборота между Европой и Китаем с морского транспорта на наземный. Реализация этого проекта будет иметь синергетическое влияние на экономику, в том числе в отношении развития прилегающих районов, увеличения производства автомобилей для грузоперевозок, включая автомобили без водителей, и т. п.

Большое значение для развития связей двух стран также имеет региональное сотрудничество, особенно взаимодействие приграничных регионов, потенциал которого используется недостаточно. Между субъектами РФ и провинциями КНР заключено около 100 соглашений, меморандумов и протоколов о намерениях, 60% которых подписаны в 2017–2019 гг. (Правительство РФ, 2019). Однако некоторые подобные инициативы, такие, например, как десятилетняя Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг., были провалены, причем во многом по вине российской стороны (Зуенко, 2018).

КИТАЙ СТАНОВИТСЯ ГЛОБАЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ЛИДЕРОМ

В настоящее время Китай превращается в одного из глобальных технологических лидеров, и этот факт нельзя игнорировать. Это приобретает особое значение в условиях начавшейся четвертой промышленной революции, когда экономическое лидерство захватывают страны, добившиеся успехов в технологическом развитии.

Качественное усиление влияния на экономическое развитие технологического фактора позволяет говорить о появлении такого феномена, как технологическая власть, которая во многом определяет реальную экономическую. В свое время еще Й. Шумпетер в качестве одной из двух главных мотиваций предпринимателя-инноватора называл стремление к власти, наряду со стремлением к творчеству (*Schumpeter, 1912*). В полной мере это относится и к национальным экономикам. Не случайно, что во время кардинальных технологических сдвигов появлялись новые экономические лидеры глобальной экономики.

Например, во время первой промышленной революции (начало XVIII – середина XIX в.) Великобритания являлась пионером в использовании появившихся инноваций – паровых двигателей, механических ткацких станков, каменноугольного кокса, новых способов выплавки чугуна и т.п. В результате она стала мировым лидером по развитию промышленности, а также по участию в мировой торговле и колониальной экономике.

В период второй промышленной революции (последняя треть XIX в. и до 1914 г.) активное внедрение таких инновационных технологий, как замена воды и пара на электричество, переход к массовому производству, применение сборочных конвейеров, сменяемых узлов и деталей, начало использования двигателей внутреннего сгорания и др., способствовало выдвиганию в мировые лидеры США.

Во время третьей промышленной революции (с 1980 г. до начала XXI в.), характеризующейся развитием автоматизации и компьютеризации, серьезных экономических успехов добились страны, активно занимавшиеся развитием электроники, включая бытовую, производством компьютерной техники и отдельных ее компонентов, внедрившие компьютерные системы управления производственными процессами, позволившие качественно повысить точность и производительность труда. Именно в этот период появились знаменитые «азиатские тигры» — Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, которые благодаря инновациям вышли на новый уровень экономического развития.

Новую — четвертую — промышленную революцию, бурно прогрессирующую после 2010 г., характеризуют коренные технологические сдвиги, обусловленные развитием и слиянием цифровых, физических и биологических технологий. Они отличаются широким диапазоном применения, стиранием границ между отдельными отраслями и видами человеческой деятельности, массовым внедрением умных киберфизических систем, ведущим к резкому росту производительности труда и снижению затрат традиционных видов сырья и энергии.

В современных условиях становится все более очевидным, что если экономика не ориентирована на технологические инновации, у нее нет долгосрочных перспектив развития. Но как следствие борьбы за технологическую власть обнаружилось новое явление — технологические войны, становящиеся составной частью современных экономических войн. Их ярчайшим проявлением стала политика США в отношении китайской компании Huawei, которая является мировым лидером в производстве телекоммуникационного оборудования и занимает второе место в мире как производитель смартфонов (20% мирового рынка). США также запретили поставку высокотехнологичных компонентов для еще одного китайского теле-

коммуникационного гиганта – ZTE, и угрожают разрывом связей ряду других китайских высокотехнологичных компаний. Опасность новых мировых технологических конфликтов таит развитие спутникового Интернета, сетей 5G, добычи сланцевой нефти и т.п.

Ответом на подобные угрозы служат тенденции к технологической изоляции, что может стать серьезной проблемой для экономического развития в современных условиях. Например, у некоторых государств возникли намерения застраховаться от отключения от всемирной сети национального сегмента Интернета как меры по обеспечению безопасности при возрастании глобальных киберугроз. Технологическая изоляция связана с ростом издержек, причем конечный продукт импортозамещения может существенно уступать имеющимся мировым аналогам. Такая политика требует отвлечения значительных материальных ресурсов и несет потенциальную угрозу для экономического роста и развития внешних связей национальных экономик.

Технологический фактор в условиях протекционизма может стать причиной усиления дифференциации отдельных стран по уровню социально-экономического развития. Ситуация осложняется тем, что уже наблюдается высокая концентрация отдельных новейших технологий. Технологическое возвышение Китая заставляет говорить о формировании новой двухполюсной конфигурации глобального технологического пространства, нарушить которую будет не по силам в среднесрочной перспективе ни одному из государств. Действительно на США и Китай сейчас приходится:

- 75% всех патентов, выданных на технологии блокчейна;
- более 50% расходов на Интернет вещей;
- более 75% открытых технологий облачного вычисления;
- более 40% существующих в мире дата-центров;
- 90% рыночной капитализации 70 крупнейших цифровых платформ;
- 36% глобального оборота интернет-торговли (UNCTAD, 2019);
- 69% самых мощных суперкомпьютеров (345 из 500: у Китая – 227, у США – 117) (Top500, 2019).

И данный технологический разрыв будет все сложнее сокращать. В этой связи в мире возникает такая серьезная пробле-

ма, как технологическое неравенство, которое становится новым вызовом устойчивому развитию глобальной экономики.

В этом плане поражает тот сравнительно короткий период времени (20 лет), за который Китай добился заметных успехов в своем технологическом развитии. Для страны характерны высокие темпы освоения новых технологий и быстрое продвижение их на рынках. Важнейшее значение при этом имеют огромный внутренний рынок, создающий постоянно растущий спрос на инновационную продукцию, а также значимые экономические успехи КНР, достигнутые за последние 20 лет. Китай по величине ВВП по ППС стал мировым лидером, а по ВВП, рассчитанном по валютному курсу, занял второе место в мире после США.

В настоящее время КНР осуществляет 90% мировых поставок персональных компьютеров и мобильных телефонов. Его доля в мировом потреблении полупроводников в 2018 г. составила 41% и, как ожидается, возрастет до 54% в 2024 г. При этом Китай обладает прочной сырьевой базой для производства полупроводников и ряда других видов инновационных продуктов, контролируя от 80 до 90% мирового выпуска редкоземельных металлов.

На Китай приходится свыше 60% устанавливаемых в мире солнечных панелей, причем в 2001–2024 гг. в стране будет введено в эксплуатацию в 2,4 раза больше по мощности данных панелей, чем в США (*Chakrabarti*, 2019).

В 2018 г. в Китае было свыше 800 млн пользователей Интернета, что больше, чем в ЕС и Соединенных Штатах вместе взятых, хотя охват составил только 60% всех жителей, в то время как в США – 89%. 95% пользователей в Китае подключаются к Интернету через мобильные устройства. Доля мобильных продаж в электронной торговле в Китае составляет около 70% по сравнению с 30% в США. Доля интернет-пользователей, совершающих мобильные цифровые платежи в Китае, составляет около 68 против 15% в США. На Китай в 2018 г. пришлось 64,8% зарегистрированных патентных заявок в мире, 18,6% всех статей, опубликованных в научных и технических журналах (США – 17,4%) (*The World Bank*, 2020).

Число китайских фирм, работающих по всему миру, выросло с 10,2 тыс. в 2010 г. до 37,2 тыс. в 2018 г. Некоторые китайские ком-

пании достигли мирового масштаба: в 2018 г. «Global Fortune500» включал в свой список 111 фирм из материкового Китая и Гонконга, что лишь немного уступало США (126 компаний).

По отдельным позициям Китай уже серьезно опережает США, а по ряду других последовательно настигает американцев. К последним относится сфера искусственного интеллекта, которому многими экспертами отводится особая роль в технологической гонке XXI в. (см. рис. 6).

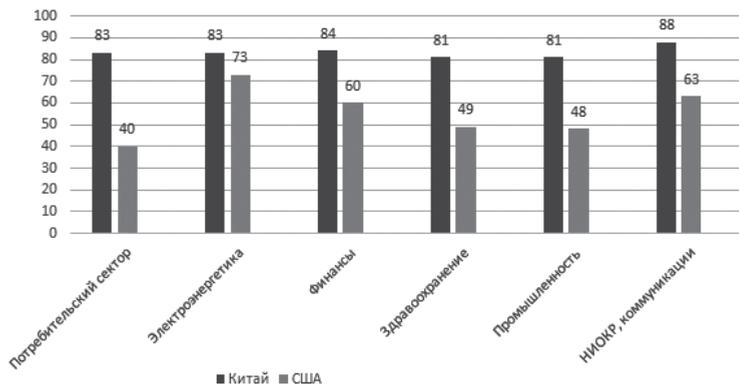

Рис. 6. Удельный вес компаний в различных секторах, использующих искусственный интеллект, в Китае и США, в 2018 г. (%)

Источник: (Castro, McLaughlin, Chivot, 2019).

Хотя Государственный совет Китая только в 2017 г. опубликовал план, направленный на то, чтобы стать мировым лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г., уже в 2018 г. его инвестиции составили более половины мировых. Основная их часть приходится на тройку китайских технологических гигантов (Baidu, Alibaba и Tencent), которые активно инвестируют в области, где ранее доминировали американские компании.

Другая сфера китайского лидерства — это технологии 5G, которые ускоряют передачу информации более чем в 100 раз по сравнению с сетями 4G и позволяют создавать системы для подключения разнообразной вариации вещей. Страна, обладающая этими технологиями, соединенными с искусственным интеллектом, получает огромную технологическую и экономическую власть и конкурентные преимущества в разных сферах человеческой деятельности.

Китайская компания Huawei имеет свыше 16 тыс. патентов в сфере 5G, что делает ее мировым лидером по данному направлению.

По данным Глобальной ассоциации финансовых рынков, в 2025 г. на Китай будет приходиться самое большое количество соединений 5G — 416 млн. Это больше, чем в Северной Америке и Европе вместе взятых (WSJ, 2019). Китайские коммерческие услуги 5G доступны уже в 50 городах, в том числе в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Шэньчжэне, в то время как в США они предлагаются только в нескольких городах. При этом в Китае уже начались разработки сетей нового поколения — 6G, которые позволяют получить беспроводной удаленный доступ к искусственному интеллекту на уровне человеческого мозга в реальном времени.

Китай выдвинулся на лидирующие позиции в «квантовой гонке», расширяя свои квантовые коммуникации по всему миру. Еще в 2014 г. был создан квантовый канал на 2000 км, а в 2016 г. запущен первый квантовый спутник, сеть которых развивается. Более 43% инноваций в области всех квантовых технологий, запатентованных в период с 2012 по 2017 г., были получены от китайских фирм и университетов (Gibney, 2019). При этом Китай лидирует в полученных патентах на коммуникации с использованием квантовых технологий, а США — на квантовые вычисления, включая программное обеспечение (см. рис. 7).

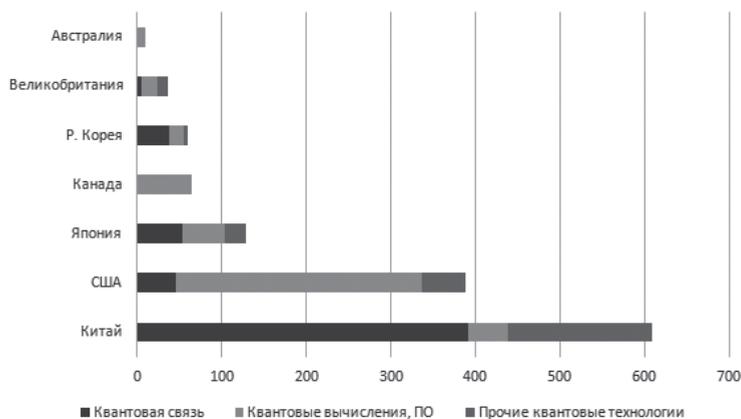

Рис. 7. Число полученных странами-лидерами патентов в области квантовых технологий в 2012–2017 гг.

Источник: (Gibney, 2019).

Квантовые компьютеры могут взломать лучшее классическое шифрование за считанные секунды, поэтому квантовое шифрование может оказаться единственным путем для безопасной связи. Квантовые технологии обеспечат гигантский рывок в продвижении искусственного интеллекта. Для концентрации усилий в данной сфере Китай создал Национальную лабораторию квантовых наук, инвестиции в которую могут составить до 1 млрд долл.

С 2013 г. Китай занимает первое место в мире по числу устанавливаемых промышленных роботов. В 2018 г. на него пришлось 36% мирового итога (154,1 тыс. из 422,3 тыс. роботов), в то время как на США только 9,6% (40,4 тыс. роботов) (IFR, 2019).

Китай всего за 13 лет после начала выпуска в 2003 г. стал вторым в мире производителем ЖК-панелей. Такие же стремительные темпы развития наблюдались в производстве высокоскоростных железнодорожных поездов, по которому он стал признанным мировым лидером.

Среди областей быстрого технологического продвижения Китая можно выделить и ряд других сфер, такие как технологии блокчейна, больших данных, биотехнологии, включая генную инженерию, военные и космические технологии, производство компьютерной техники, дронов, современных морских судов и многих других инновационных продуктов, включая узлы и агрегаты для многочисленных глобальных цепочек добавленной стоимости.

Китай активно проводит политику дальнейшей локализации современных технологий в национальной юрисдикции. Так, программой «Сделано в Китае 2025» предусматривается завоевание доли рынка от 40 до 90% местными игроками в 11 из 23 подсекторов, выделенных в ней программе (McKinsey Global Institute, 2019). Фактически это отражает курс на импортозамещение в сфере высоких технологий.

Фундаментом для технологических успехов Китая стали высокие расходы на исследования и разработки (ИР) в последние 20 лет. В 2019 г., по предварительным оценкам, они превысили 450 млрд долл. (в 2000 г. — почти в 50 раз меньше), что позволяет ему занимать по этому показателю второе место в мире после США, намного оторвавшись от идущей на третьем месте Японии.

Кстати, соотношение затрат бизнеса на ИР в мире еще контрастнее, чем соответствующих общих затрат, отражает тенден-

цию к формированию двухполюсной структуры глобального технологического пространства, о которой говорилось выше (см. рис. 8).

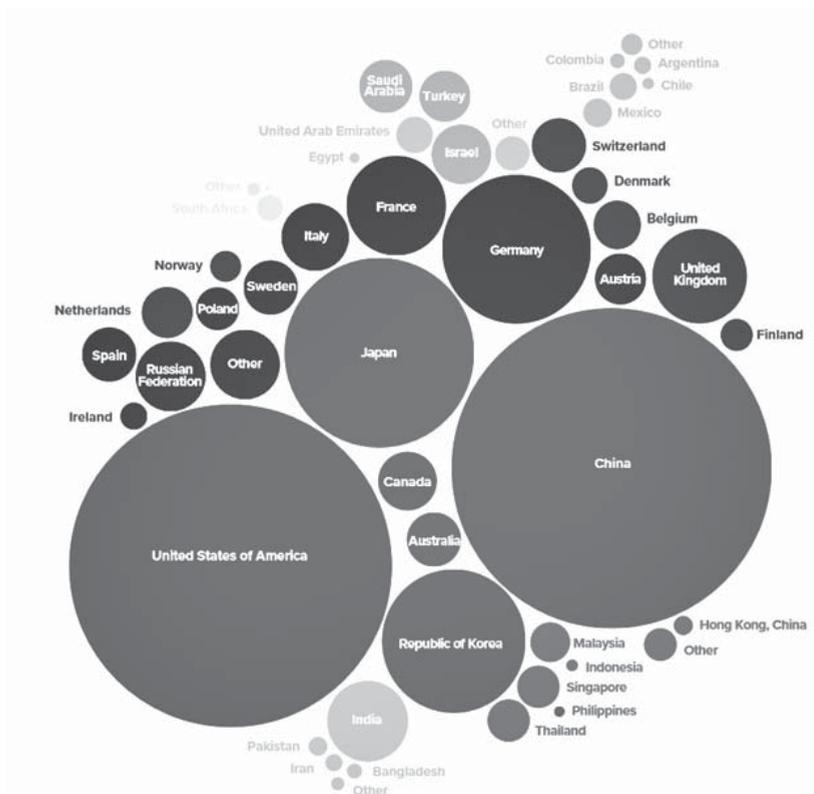

Рис. 8. Позиции отдельных стран по расходам бизнеса на ИР в 2017 г.
Источник: (WIPO, 2019).

Характерно, что Китай в 2015 – 2019 гг. ежегодно становился мировым лидером по продвижению в Глобальном инновационном индексе (The Global Innovation Index) (см. рис. 9). Этот рейтинг, публикуемый Международной бизнес-школой INSEAD, Корнельским университетом (Cornell University) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (WIPO), рассчитывается по 82 показателям и отражает уровень инновационного развития 129 государств мира.

Китай обогнал США по числу компаний-«единорогов», которыми стали называть быстрорастущие технологические част-

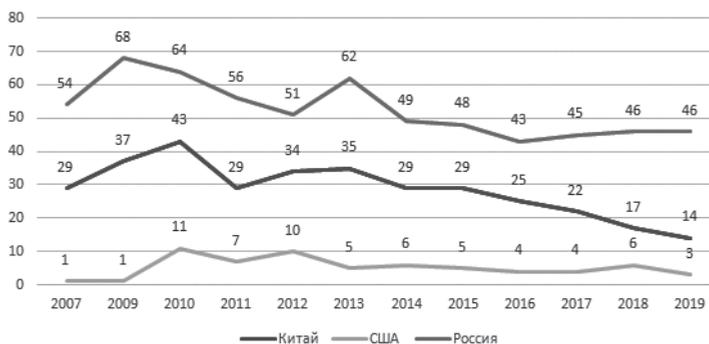

Рис. 9. Место Китая, США и России в Глобальном инновационном индексе

Источники: (Доклады Global innovation index за соответствующие годы. www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo).

ные стартапы с капитализацией свыше 1 млрд долл. На конец 2019 г. он лидировал по числу таких компаний – 206, или 42% всех «единорогов». За ним шли США с 203 стартапами, а на Европу пришлось 34 «единорога». По суммарной капитализации «единорогов» (262 млрд долл.) Китай опередил США в 4 раза (The Hurun Research Institute, 2019).

Важную роль в технологическом развитии Китая играли иностранные инвестиции. По данным за 2010–2019 гг., 20 крупнейших зарубежных мультинациональных компаний (МНК), прежде всего Amazon, Alphabet и Volkswagen, осуществили в Китае 73 проекта в области исследований и разработок, в то время как в идущих следом Индии – 59 и Великобритании – 55 (см. рис. 10).

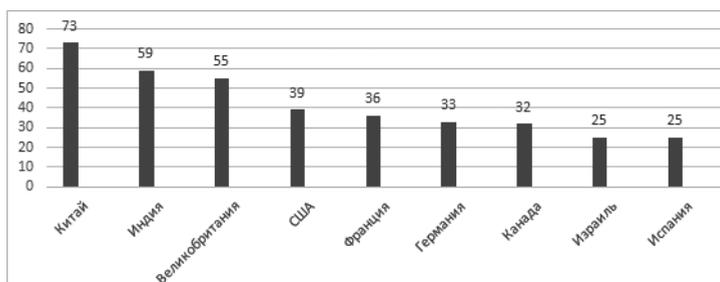

Рис. 10. Число проектов 20 крупнейших МНК в ИР за рубежом в 2010–2019 гг.

Источник: (Dettoni, 2020).

При этом если в начале 2000-х годов МНК создавали в Китае центры исследований и разработок, чтобы воспользоваться преимуществами низкой стоимости земли, рабочей силы и капитала, то сейчас более весомым фактором для локализации ИР стало наличие высококвалифицированных специалистов и технологий.

Меняется и стратегия Китая в отношении приобретения зарубежных активов. В 2010 г. он сместил акцент с топливно-сырьевых активов и компаний для выхода на новые зарубежные рынки для расширения экспорта на покупку брендов и технологий, необходимых Китаю для перехода к экономике, ориентированной в первую очередь на внутреннее потребление. Одновременно Китай из страны, копирующей инновации, постепенно превращается в страну, их генерирующую. Существенно расширилось географическое присутствие Китая в глобальном технологическом пространстве (см. рис. 11).

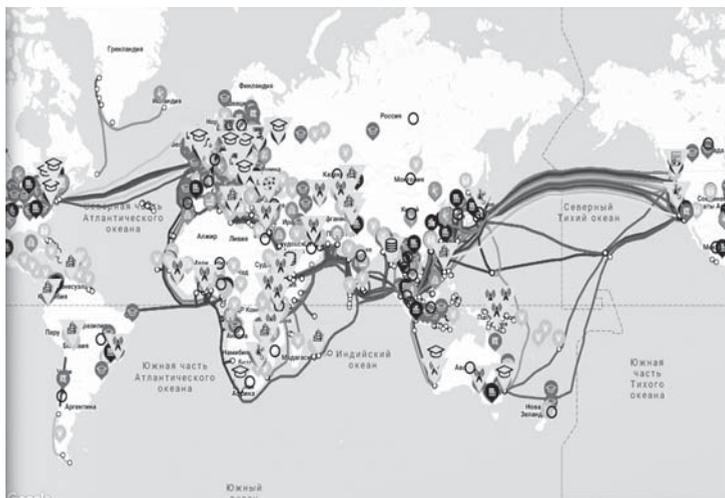

Рис. 11. Зарубежная технологическая экспансия Китая
 Источник: (Australian Strategic Policy Institute, 2019).

По данным Австралийского института стратегической политики, у 23 крупнейших технологических компаний КНР более 2500 точек зарубежного присутствия; 447 университетских и исследовательских партнерств; 115 проектов по созданию интеллектуальных городов или систем общественной безопасности, большинство из

которых находятся в Европе, Южной Америке и Африке; 88 инициатив по развитию 5G в 45 странах; 145 научно-исследовательских лабораторий, наибольшая концентрация которых в Европе; 63 подводных кабеля, 20 арендованных кабелей и 49 наземных кабелей; 208 центров обработки данных и 342 телекоммуникационных и ИКТ-проектов по всему миру (Australian Strategic Policy Institute, 2019).

В то же время не следует переоценивать технологический потенциал Китая, говорить о его реальном сближении с потенциалом США еще преждевременно. Китай сократил разрыв прежде всего в технологиях с низкой сложностью, где барьеры относительно низки. Однако по ряду сложных технологий его зависимость от иностранных поставок остается существенной. По оценкам экспертов McKinsey Global Institute, китайские поставщики могут обеспечить от 60 до 80% технологий, а это означает, что Китай по-прежнему использует материалы, полученные от МНК, по крайней мере, в 20–40% случаев (McKinsey Global Institute, 2019). Зависимость Китая от других стран в области ключевых технологий во многом объясняется тем, что в стране ощущается нехватка фундаментальных исследований (Островский, 2019).

Для Китая главной остается импортозависимая модель участия в мировом технологическом обмене. В 2018 г. объем импортных платежей за использование интеллектуальной собственности составил 35,8 млрд долл., в то время как экспортные поступления за китайскую интеллектуальную собственность были в 6,4 раза меньше – 5,6 млрд долл. У США, наоборот, экспортно-ориентированная модель: в 2018 г. их технологический экспорт составил 128,7 млрд долл. (33,8% мирового итога), что в 2,3 раза превысило соответствующий импорт (56,1 млрд долл.) и было на порядок больше (в 22,9 раза) китайских поступлений за технологический экспорт (The World Bank, 2020). При этом более 30% импортных платежей Китая за использование интеллектуальной собственности приходилось на США.

По некоторым оценкам, китайские поставщики могут соответствовать мировым лидерам по показателям производительности или превосходить их только в 40–60 % технологий. Например, в производстве сложных роботов Китай зависит от импорта передовых технологий в основных компонентах, таких как серводвигатели,

редукторы и системы управления. Объем китайского импорта сложных интегральных схем в 2018 г. превысил объем импорта сырой нефти (McKinsey Global Institute, 2019).

Китай осознает свою сохраняющуюся технологическую зависимость от США. Об этом свидетельствует подписанный в январе 2020 г. первый пакет соглашений, остановивших эскалацию взаимной торговой войны. В обмен на некоторые уступки США в области торговли Китай принял на себя ряд серьезных обязательств, затрагивающих технологическую сферу. Они касаются прежде всего охраны интеллектуальной собственности, так как США оценивали свои потери от кражи Китаем принадлежащих им прав на сумму от 300 до 500 млрд долл. в год (*Samanta, 2019*). В частности, Китай отказался от любых условий, вынуждающих американские компании, оперирующие на его территории, осуществлять трансферт технологий в пользу местных компаний; согласился на строгие правила в сфере электронной коммерции, направленные на пресечение поставок некачественных и фейковых товаров, на использование госучреждениями и госкомпаниями только лицензированного программного обеспечения и т.п. (*Donnan, Wingrove, Mohsin, 2020*).

Такие компромиссы свидетельствуют о гибкости китайской внешнеэкономической и технологической политики, которая учитывает реальные возможности страны и не до конца раскрывает «свои карты», а также вынуждена имплементировать новые стандарты международных отношений в технологической сфере, без чего нельзя сейчас полноценно участвовать в процессах глобализации, где Китай последовательно укрепляет свое лидерство.

«ЦИФРОВОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» – ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ?

К несомненным позитивным сторонам стратегии ОПОП следует отнести умение китайской стороны выбирать привлекательные для других стран приоритеты взаимодействия и оперативно модернизировать стратегию этого проекта.

Учитывая возросший уровень своего технологического развития, а также необходимость более активного вовлечения в ОПОП других стран, Китай в 2019 г. стал активно продвигать свою новую инициативу – инновационный «Цифровой Шелковый путь», о котором ничего не говорилось в предыдущих документах по ОПОП. Однако работа по многим направлениям цифровизации китайской экономики продолжается уже с начала 2000-х гг., активизировавшись с 2015 г. Она включает практически все сферы, связанные с высокими технологиями четвертой промышленной революции (искусственный интеллект, квантовые вычисления, большие данные, «облачные» вычисления, строительство «умных» городов и т. п.). Фактически «Цифровой Шелковый путь» стал новым удачным, с точки зрения пропаганды и рекламы, проектом, уложенным в общее русло китайской внешнеэкономической стратегии.

Основные направления формирования «Цифрового Шелкового пути» отражены в ряде важнейших стратегических документов, одобренных в 2015–2019 гг. Это официальные госпрограммы и экспертные концепции «Сделано в Китае 2025», «Интернет плюс», «Производственная супердержава», «Стратегия больших

данных», «Кибер-суверенитет», «Стратегия развития облачных технологий» и другие, которые в конечном счете обрели яркий бренд «Цифровой Шелковый путь» (см. рис. 12).

Рис. 12. Формирование «Цифрового Шелкового пути» в 2015–2019 гг. Источник: (Shi-Kupfer, Ohlberg, 2019).

Важнейшей составной частью «Цифрового Шелкового пути», как и ОПОП в целом, являются: волоконно-оптические кабели, в том числе азиатско-африканский, соединяющий Пакистан с Кенией через Джибути; 4800-километровая волоконно-оптическая линия, соединяющую город Кашгар в Китае с Файзабадом в Афганистане через Ваханский коридор; волоконно-оптический проект Юго-Восточная Азия – Ближний Восток – Западная Европа 5 (SEA–ME–WE 5) через Бенгальский залив; 25000-километровая линия Азия – Африка – Европа-1 (AAE–1), включающая кабель China Unicom, соединяющая Азию, Африку и Европу, и ряд других. Благодаря этому Китай стал крупнейшим мировым центром цифровых коммуникаций.

Китайская платформа электронных платежей Alipay установила прямое присутствие или работает через местных операторов в более чем 40 странах Европы и Азии, включая Пакистан, Бангладеш и Индию (Hao Chan Jia, 2019).

Китай также запустил «Пространственный информационный коридор», состоящий из поддерживаемых им систем спут-

ников связи, позиционирования и наблюдения. Важная роль в усилении технологического влияния Китая отводится и созданию телекоммуникационной инфраструктуры в государствах — участниках ОПОП, а также поддержке некоторых местных технологических компаний (*Kitson, Liew, 2019*). Используются и другие каналы технологического влияния.

Например, компания Huawei расширила обучение белорусских кадров, включая отправку студентов на учебу в Китай и подписание соглашения с Белорусской государственной академией связи о создании совместного учебного центра. Местный филиал Bel Huawei Technologies открыл две исследовательские лаборатории для «интеллектуальных систем дистанционного наблюдения». Huawei в мае 2018 г. опубликовала свои национальные приоритеты в области ИКТ для Республики Беларусь. Предложение включает рекомендации по технологиям «общественной безопасности», таким как видеонаблюдение и беспилотники, а также система идентификации статуса гражданина (*Australian Strategic Policy Institute, 2019*).

Таким образом, стратегия «Цифрового Шелкового пути» еще больше укрепит экономическую и технологическую власть Китая в глобальной экономике. «Цифровой Шелковый путь», по мнению ряда экспертов, стал центром ОПОП, поскольку управление потоком данных становится все более важным для изменения баланса геополитических сил в пользу Китая (*Kitson, Liew, 2019*).

В данной ситуации сложнейшие задачи встают перед Россией, которая не в состоянии реально противостоять технологической гегемонии США или Китая и может оказаться на периферии глобального технологического пространства в роли догоняющей экономики с ограниченными шансами на успех. При этом, отказываясь по собственной инициативе или вынужденно от американских технологий, она объективно будет все больше ориентироваться на китайские технологии, что уже наблюдается в настоящее время. Это не означает, что отдельные крупные программы в области технологического развития, прежде всего связанные с обеспечением национальной безопасности, Россия не будет осуществлять сама, преимущественно опираясь на собственные силы. Более того, только жесткая селективная концентрация ресурсов на развитии ряда высоких технологий должна стать основным приоритетом долго-

срочной экономической стратегии и преодоления сформировавшегося технологического разрыва с лидерами.

Для этого у России есть серьезные технологические «заделы» и инновации мирового уровня, сохраняющийся хороший уровень человеческого потенциала и отдельных сегментов научно-технологической базы. В то же время опасно и переоценивать свои возможности, начиная крупные проекты, требующие огромных инвестиций и не гарантирующие, что в итоге будут получены весомые конкурентные преимущества, а не выявится неэффективная растрата выделенных ресурсов. Кроме того, застарелой проблемой остается неумение тиражировать инновации и продвигать на конкурентные рынки подобную продукцию.

Несомненно, необходимо трезво осознавать, что никто не собирается просто так делиться своими конкурентными преимуществами в технологической сфере. И в первую очередь это относится к Китаю, который хотел бы больше получить от России, чем дать ей. В прошлом было немало примеров, когда Китай стремился с минимальными затратами приобрести передовую российскую военную технику и наладить копирование ее производства на своей территории, проведя соответствующую модернизацию (*Нерсисян, 2016*).

Поэтому представляется крайне актуальным выработать обоснованную и реалистичную стратегию участия России в «Цифровом Шелковом пути» как важнейшей составной части ОПОП, учитывая реалии российской экономики и просчеты сотрудничества с Китаем в предыдущие годы. Такой курс безальтернативен для России еще по одной причине. Дело в том, что наши партнеры по ЕАЭС стали во все большей мере ориентироваться на китайские технологии (*Хейфец, 2019*). Подобный стратегический план мог бы стать для России хорошим дополнением традиционных направлений сотрудничества с Китаем, которые также должны расширяться и диверсифицироваться, а в некоторых случаях использоваться в целях его углубления в инновационных сферах экономики (на условиях так называемого компенсационного сотрудничества). Здесь не могут быть затронуты миграционная политика, политика научных и студенческих обменов, расчетов в национальных валютах, доступности межгосударственной интернет-торговли и т.п. Основной же принцип углубления взаимодействия заключается в получении кон-

кредного экономического эффекта (принцип win-win), что должно стать важнейшим приоритетом участия России в ОПОП.

В целом взаимодействие двух стран в сферах высоких технологий начинает расширяться, а примеров инновационного разворота российско-китайского сотрудничества становится все больше.

Так, МТС и китайская Huawei подписали соглашение о развитии технологий 5G и пилотных запусках в России в 2019–2020 гг. сетей связи пятого поколения. Предусматривается внедрение технологий и решений 5G и IoT на действующей инфраструктуре МТС, развитие коммерческой сети LTE оператора до уровня 5G-ready, запуск тестовых зон и пилотных сетей 5G для различных сценариев использования, в том числе и на инфраструктурных объектах (Huawei, 2019).

Для более успешной работы на российском рынке китайский гигант Alibaba создал СП с первой российской социальной сетью Mail.ru (95 млн пользователей) и крупнейшим оператором мобильной связи «МегаФон» (80 млн абонентов). Доля Alibaba в СП составит 48%, 13% будет принадлежать Российскому фонду прямых инвестиций (РФПИ).

Большой потенциал просматривается в совместном использовании китайской спутниковой навигационной системы Baidu и российской «Глонас». Система Baidu, которая полностью будет введена в 2020 г., превосходит возможности американской системы GPS. Открытый ее вариант будет доступен по всему миру для обычных пользователей, а точность позиционирования составит до 10 метров. Кроме того, спутники Baidu будут использоваться для распространения глобального спутникового Интернета.

Россия сильно отстает от КНР в применении робототехники. В то же время у нее есть компании – Promobot, AlfaRobotics, ROBBO, EchoAtlet, VIST Robotics и др., которые экспортируют робототехнику, в том числе и в Китай. Конкурентными преимуществами российских компаний являются компетенции в программном обеспечении, сильная инженерная и математическая школа, низкая стоимость решений по сравнению с зарубежными, но им не хватает опыта в коммерциализации технологий. Это создает предпосылки для расширения сотрудничества с китайскими компаниями – мировыми лидерами в области производства и применения робототехники.

Началось сотрудничество двух стран в области искусственного интеллекта. В мае 2019 г. Huawei приобрела российскую «Вокорд», которая с 1999 г. вела разработки систем идентификации личности с помощью технологии распознавания лиц. В 2016 г. разработанный «Вокордом» алгоритм идентификации лиц DeepVo1 распознал правильно 75,127% лиц, добившись более высокого результата даже в сравнении с Google (Сухаревская, 2019). В то же время, по мнению китайских специалистов, уровень развития данного сектора в России пока является неудовлетворительным. Это касается таких критериев, как количество научных исследований и патентов, человеческий капитал, объемы рынка и финансирования (РСМД, ИДВ РАН, 2019).

Задача углубления сотрудничества в области инновационных технологий отвечает целям объединения пяти крупнейших стран с переходной экономикой – БРИКС, в которое входит Китай и Россия. На состоявшемся в 2019 г. Академическом саммите БРИКС, готовившим свои предложения для встречи лидеров пятерки в 2020 г. в России, подчеркивалась необходимость создания технологического альянса для управления сферами, связанными с четвертой промышленной революцией (Gateway House, 2019, P. 4).

Китай еще в 2018 г. на встрече лидеров БРИКС в ЮАР выдвинул идею создания «Партнерства БРИКС для новой промышленной революции» (Partnership on New Industrial Revolution (PartNIR)). Эта инициатива корреспондирует с идеями «Цифрового Шелкового пути». По мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, PartNIR могло бы стать платформой, которая объединила бы весь глобальный юг в многонациональном сотрудничестве (Xinhua, 2018). Данный проект ориентируется на углубление сотрудничества в области цифровой экономики, структурной и технологической модернизации промышленности, инноваций и инвестиций, в целях максимального расширения возможностей всех вошедших в партнерство стран в решении проблем, возникающих в связи с четвертой промышленной революцией. Для реализации этой идеи предполагалось создание сети научных парков, технологических бизнес-инкубаторов БРИКС, а также содействие развитию инновационных малых и средних предприятий.

В БРИКС разрабатывается специальная облачная платформа BRICS Pay, с помощью которой можно будет оплачивать покупки в любой из пяти стран данной группы вне зависимости от валюты средств на счете покупателя. Над ней работают специалисты из Индии, Китая и России. Создание такой платформы позволит не только снизить зависимость от доллара, но и создаст возможность взаимных расчетов в криптовалютах, если они получат официальное признание в странах БРИКС. BRICS Pay может стать реальной альтернативой международной системе расчетов SWIFT, что также позволит облегчить торговлю со странами, которые сейчас находятся под западными санкциями. Ожидается, что эта система в полной мере может заработать к 2025 г.

В настоящее время страны БРИКС достигли консенсуса по укреплению сотрудничества в таких областях высоких технологий, как промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, информационная безопасность в Интернете.

Продолжается российско-китайское сотрудничество в области авиастроения. Осенью 2019 г. был согласован контракт, по которому «Вертолеты России» разработают для китайской стороны тяжелый вертолет, а также произведут и передадут технологии по производству трансмиссии, хвостовых винтов, некоторых других агрегатов и узлов.

Сложно развивается сотрудничество России и Китая по созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета, о котором было заявлено в 2015 г. Дело в том, что китайские партнеры заинтересованы в получении российских технологий, но хотят оставить китайский рынок за собой, а России дать исключительное право на продажи по всему миру. Российские партнеры хотят получить китайские инвестиции на разработку, а также участвовать в сбыте этих самолетов на емком рынке КНР (РАСПП, 2019).

Большой потенциал существует у сотрудничества России и Китая в области атомной энергетики, которое уже продолжается много лет. В 2019 г. была достигнута договоренность о сооружении Росатомом двух новых энергоблоков с реакторами ВВЭР-1200 поколения «3+» на АЭС «Тяньвань» в Китае. Согласовано строительство в КНР еще одной атомной станции по российскому проекту на новой площадке АЭС «Сюйдапу». При содействии России в Китае

также будет возведен демонстрационный реактор на быстрых нейтронах. Однако в этой сфере усиливается конкуренция со стороны как китайских, так и зарубежных компаний. Китай является одним из мировых лидеров в атомной энергетике, занимая 3 место после США и Франции с 48 реакторами (в России их 36).

Институтом проблем химической физики РАН и Китайской академией инженерной физики создана промышленная компания «Сычуань Маньян ЛИЭР» по производству химических средств защиты растений, органических промежуточных продуктов, технических изделий из полимерных материалов. Институтом высоких температур РАН и корпорацией «Великая китайская стена» было создано совместное предприятие «Тигол», производящее оборудование по нанесению покрытий из нитрида титана и других перспективных материалов (Лаврикова, Андреева, Ратнер, 2018).

Нельзя не отметить и активизацию военно-технического сотрудничества, затрагивающего сферу высоких технологий. Китай в 2015 г. стал первым иностранным государством, купившим зенитные системы С-400 «Триумф». Россия в 2019 г. начала помогать КНР в создании системы предупреждения о ракетном нападении. Перспективными сферами для взаимовыгодного сотрудничества можно назвать ядерные подводные лодки, гиперзвуковые и лазерные технологии, системы ПРО и некоторые другие.

Существуют определенные возможности технологического взаимодействия в биологии, фармацевтике и медицине. Так, сотрудники химико-технологического института Уральского федерального университета и Пекинского института химических технологий разрабатывают полупроводниковые биоразлагаемые материалы, которые смогут обнаружить злокачественное новообразование и разрушить его термически без существенного вреда для здоровья человека.

Для финансирования стартапов и перспективных инновационных разработок, которые могут быть востребованы на рынке КНР, создан специальный Российско-китайский венчурный фонд (50% его акций принадлежит РФПИ, 50% – китайским China Investment Corporation и инновационной компании Tus-Holdings) объемом в 100 млн долл. Первой инвестицией этого фонда стала поддержка проекта российского производителя инновационных

плат для электронных устройств «Русалокс». Фондом рассматриваются проекты в таких областях, как новые материалы, технологии защиты информации, виртуальная реальность, разработка индустриального оборудования нового поколения, инновационные нефтесервисы.

Известно, что 2020 и 2021 гг. были объявлены «перекрестными» годами российского-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. Это хороший повод для существенного увеличения числа совместных технологических проектов по маршруту «Цифрового Шелкового пути».

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Проект ОПОП фактически вступил в новую стадию своего развития (ОПОП 2.0), когда более четко определились его основные контуры, методы и формы взаимодействия, а также проявились многие проблемы реализации. Стало очевидно, что ОПОП не является панацеей для участников проекта, он может стать только важным вспомогательным инструментом для их экономического прогресса. Основная тяжесть структурно-технологической модернизации и социальной стабильности ложится на суверенные государства. На них же приходится вся ответственность по принятию решений о степени, формах и рисках участия в китайском ОПОП.

2. В данной связи сложные задачи встают перед Россией, находящейся в непрестом геополитическом и экономическом положении. Хотя экспансия ОПОП может не быть приемлемым для нее вариантом развития ситуации на постсоветском пространстве, ее невозможно игнорировать. Поэтому для России необходимо более эффективно использовать возможности Китая в области инфраструктуры — для развития отраслей, обеспечивающих производство больших объемов добавленной стоимости, а также ряда технологичных видов деятельности. Сделать это можно только выдвигая такие альтернативные предложения сотрудничества, которые могут заинтересовать Китай. Даже в сырьевых проектах необходимо находить решения, ведущие к увеличению поставок продукции перерабатывающей промышленности, локализации таких предприятий

на российской территории, возможно, с использованием китайских технологий, с последующим экспортом в Китай.

3. Очень важным направлением взаимодействия двух стран должно стать развитие неформальных связей «снизу» – на уровне частных компаний, прежде всего малого и среднего бизнеса, регионов, некоммерческих организаций и т.п. Именно данные связи получают все большее развитие в условиях интернетизации и цифровизации мировой экономики и могут помочь найти взаимоприемлемые решения. Поэтому важнейшими задачами государственных органов становится создание и совершенствование институциональных условий такого сотрудничества. Особое место здесь должно быть уделено защите иностранных инвестиций и облегчению их трансграничного перемещения между двумя государствами.

4. Новые задачи перед Россией встают и в связи с существенным переформатированием глобального технологического пространства, где все более четко проявляются два основных полюса развития – США и Китай. Преодолеть уже сформировавшийся технологический разрыв с этими полюсами в обозримой перспективе не реально какому-либо государству и даже ни одному из известных интеграционных объединений. Россия в силу жестких западных санкций будет вынуждена как опираться на собственный потенциал (основная стратегия), так и адаптировать доступные китайские технологии. Дополнительные возможности предоставляет в этом плане китайский «Цифровой Шелковый путь», который становится важнейшей частью проекта ОПОП. Однако эти возможности надо суметь эффективно использовать, что очень непросто, учитывая прагматичность китайской государственной политики и богатый опыт жесткой международной конкуренции, имеющийся у предпринимателей этой страны. Может быть полезным и изучение китайской практики импортозамещения в высокотехнологичных отраслях, а также опыта противодействия санкциям США.

5. В настоящее время российская политика в такой важнейшей сфере, как цифровизация, недостаточно учитывает возможности международного сотрудничества. В национальном проекте «Цифровая экономика» этим вопросам уделен практически один пункт, и он касается согласования политики стран ЕАЭС. К сожалению, в проекте не отмечен потенциал углубления сотрудничества

в этой области со странами БРИКС, куда могли бы быть включены основные идеи развития взаимодействия с Китаем. Вместе с тем даже из проекта «Цифровая экономика» видно, что в 2024 г. должна сохраниться существенная доля зарубежного программного обеспечения у госкорпораций и компаний с государственным участием (до 30%). Недостаточно проработана и «экспортная» часть этого проекта, которая слабо связана с нацпроектом «Международная кооперация и экспорт». В данной связи представляется целесообразным выработать «дорожную карту» по сопряжению развития формирующегося единого цифрового пространства ЕАЭС, где ведущую роль будет играть российское цифровое пространство, с китайским «Цифровым Шелковым путем». В настоящее время такое сопряжение осуществляется бессистемно, его инициаторами выступают отдельные корпоративные акторы стран ЕАЭС и Китая. Важнейшие идеи подобной «дорожной карты» могли бы также найти отражение в обновляемых в настоящее время стратегиях экономического сотрудничества стран ЕАЭС и БРИКС.

6. Вместе с тем необходимо учитывать уже накопленный российский опыт сотрудничества с Китаем, а также проявившиеся негативные последствия участия в ОПОП других стран, постоянно модернизируя имеющиеся механизмы взаимодействия и подобную «дорожную карту». Только такой взвешенный и гибкий подход может сделать эффективным и взаимовыгодным маршрут России по непростому китайскому ОПОП, где экономические и технологические соображения тесно переплетаются с геополитическими резонами.

7. Учитывая уже достигнутый и повышающийся экономический и технологический потенциал Китая, а также его усиливающую роль в мировой политике и экономике, следует рассмотреть вопрос о создании в рамках Российской академии наук специального Института Китая (или о преобразовании в такое учреждение одного из существующих институтов). В настоящее время в России исследования, связанные с Китаем, осуществляет ряд академических институтов, университетов и исследовательских центров. В то же время создание нового научного бренда и концентрация высококвалифицированных специалистов и подготовка молодых кадров в рамках нового института, который станет координировать

синологические исследования по всей стране, позволили бы полнее освещать опыт нашего важнейшего стратегического партнера, имеющего протяженную общую границу с Россией, и давать более обоснованные прогнозы и рекомендации для государственных органов управления и бизнеса.

8. Указанные выводы и предложения не исчерпывают всей полноты и сложности затронутых в докладе проблем. Они рассматриваются автором как приглашение к дискуссии, которую необходимо вести как на академическом уровне, так и на основе анализа практики реального госуправления и конкретных проектов. Объективная необходимость заключается в понимании того, как эффективно выстраивать экономические отношения России с новой технологической супердержавой в краткосрочной и среднесрочной перспективе, и какие здесь могут быть варианты.

9. Пандемия коронавируса COVID-19 внесет большие коррективы в стратегию Китая и политику зарубежных участников в отношении ОПОП. В то же время она может только замедлить, но не остановить внешнюю экспансию Китая и его ориентацию на последовательное развитие своего технологического потенциала. Об этом свидетельствуют призывы китайского руководства (после преодоления пика заражения коронавирусом в КНР) усилить внимание к развитию высокотехнологичных секторов, которые еще больше укрепят реальный фундамент экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бер С. (2020). США вытеснят Россию из Китая с помощью энергоресурсов. finobzor.ru/89074-ssha-vytesnyat-rossiyu-iz-kitaya-s-pomoschyu-energoresursov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. (2018). Китайский фактор в развитии российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад, М.: Институт экономики РАН.
- Зуенко И. (2018). Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества. 22 августа. carnegie.ru/commentary/77081.
- Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» (2019). Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути»: прогресс, вклад и перспективы. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках КНР.
- Китайский «шелковый путь» прошел мимо России (2019) // [Finans.ru](https://finans.ru). www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitayskiy-shelkovy-put-proshel-mimo-rossii-1028784308?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
- Коростиков М. (2019). Дружба на расстоянии руки. Как Москва и Пекин определили границы допустимого // Коммерсантъ. 31 мая.
- Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.А., Ратнер А.В. (2018). Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 48–62.
- Лехух Д. (2019). Договор года: что Китай дал России и почему это сенсация для Европы. gurosters.ru/news/11-06-2019/kitai-dal-rossii-dogovor-goda.
- Мануков С. (2019). «Один пояс, один путь»: уточнение пути и расширение пояса. eadayly.com/ru/news/2019/05/03/odin-poyas-odin-put-utochnenie-puti-i-rasshirenije-poyasa.
- Нерсисян А. (2016). Опасны ли поставки российского вооружения Китаю // [Forbes](https://forbes.ru). 21 дек. www.forbes.ru/biznes/335571-opasny-li-postavki-rossiyskogo-vooruzheniya-kitayu.
- Островский А. (2019). Уроки для России. Китайский опыт инновационного развития экономики // Изборский клуб. № 3 (69). С. 92–103.
- Правительство РФ (2019). Максим Акимов принял участие в пленарном заседании II Российско-Китайского форума по межрегиональному сотрудничеству. 15 июня. government.ru/news.

- РАСПП (2019). Научно-техническое сотрудничество с Китаем: возможности для России. 19 нояб. raspp.ru/business_news/Scientific-and-technical-cooperation-with-China-opportunities-for-Russia.
- РИА Новости (2019). Межгосударственные отношения России и Китая. ria.ru/20190905/1558201817.html.
- РСМД, ИДВ РАН (2019). Российско-китайский диалог: модель 2019. Доклад №46. М.
- Сухаревская А. (2019). Huawei купила технологии российской компании в области распознавания лиц // Ведомости. 2 июня.
- ФТС (2020). Итоги внешней торговли с основными странами. customs.ru/folder/511.
- Хейфец Б.А. (2016). Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. №5.
- Хейфец Б.А. (2018). Северный морской путь – новый транзитный маршрут «Одного пояса – одного пути» // Международная жизнь». №7. С. 68–87.
- Хейфец Б.А. (2019а). Новые экономические мегартнерства и Россия. СПб.: Алетейя.
- Хейфец Б.А. (2019b). Как модернизировать Евразийский экономический союз. М.: Институт экономики РАН.
- Хейфец Б.А., Степанов Н.С. (2019). Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия // Проблемы Дальнего Востока. Вып. 6. С. 55–70.
- Huawei (2019). МТС и Huawei подписали соглашение о развитии 5G в России. www.huawei.com/ru/press-events/news/ru/2019/huawei_mts_5g_development_agreement.
- Australian Strategic Policy Institute (2019) Mapping more of China's Tech Giants. The Second Report. 28 November. www.aspi.org.au/report/mapping-more-chinas-tech-giants.
- Bradsher K. (2020) China Renews Its 'Belt and Road' Push for Global Sway. www.nytimes.com/2020/01/15/business/china-belt-and-road.html.
- Castro D., McLaughlin M., Chivot E. (2019). Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states.
- Chakrabarti S. (2019). Solar Power Statistics in China 2019. solarfeeds.com/solar-power-statistics-in-china.
- Citigroup (2018). China's Belt and Road at Five. A Progress Report. December.
- Desjardins J. (2018). Mapped: China's most ambitious megaproject – the new Silk Road. www.businessinsider.com/chinas-most-ambitious-megaproject-the-new-silk-road-mapped-2018-3.

- Dettoni J.* (2020). China lures top innovators despite IP concerns. www.fdiintelligence.com/Locations/China-lures-top-innovators-despite-IP-concerns?utm_campaign=Jan%202nd%20newsletter&utm_source=emailCampaign&utm_medium=email&utm_content=
- Donnan S., Wingrove J., Mohsin S.* (2020). U.S. and China Sign Phase One of Trade Deal. January 15. www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-15/u-s-china-sign-phase-one-of-trade-deal-trump-calls-remarkable).
- Financial Times (2018). Russia's \$55bn pipeline gamble on China's demand for gas. ig.ft.com/gazprom-pipeline-power-of-siberia.
- Gateway House (2019). BRICS Academic Forum 2019 Report. Brazil. September. P. 4. www.gatewayhouse.in/events/brics-academic-forum-2019-brazil.
- Gibney E.* (2019). Quantum gold rush: the private funding pouring into quantum start-ups. 2 October. www.nature.com/articles/d41586-019-02935-4.
- Hao Chan Jia* (2019). All may not be smooth along China's Digital Silk Road. 20 August. www.lowyinstitute.org/the-interpreter/all-may-not-be-smooth-along-china-s-digital-silk-road.
- HKTDC Research (2020). The Belt and Road Initiative: Country Profiles. china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative-Country-Profiles/obor/en/1/1X000000/1X0A36I0.htm.
- Horn S., Carmen M. Reinhart C.M., Trebesch C.* (2019). China's Overseas Lending. NBER Working Paper № 26050. www.nber.org/papers/w26050.
- Huang K., Zhou L.* (2018). China's 'Belt and Road Initiative': after five years, is the bloom off the rose? 7 October. www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2166727/chinas-belt-and-road-initiative-after-five-years-bloom-rose.
- Hurley J., Morris S., Portelance G.* (2018). Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Washington DC: Center for Global Development. Policy Paper 121. March.
- IBON International (2019). The Belt and Road Initiative: A new road or a dead-end for peoples' development? Policy Brief. P. 6. www.iboninternational.org/policy-briefs/BRI-new-road-dead-end.
- IFR (2019). World Robotics 2019 Industrial Robots. Pp. 13–14. ifr.org/downloads/press2018/Executive%20Summary%20WR%202019%20Industrial%20Robots.pdf.
- Kakissis J.* (2018). Chinese Firms Now Hold Stakes in Over a Dozen European Ports. www.wprl.org/post/chinese-firms-now-hold-stakes-over-dozen-european-ports.

- Kitson A., Liew K.* (2019). China Doubles Down on Its Digital Silk Road. 14 November. reconnectingasia.csis.org/analysis/entries/china-doubles-down-its-digital-silk-road.
- Kliman D., Rush Doshi R., Lee K. and Cooper Z.* (2019). Grading China's Belt and Road. April. P. 2. www.cnas.org/publications/reports/beltandroad.
- Kozul-Wright R., Poon D.* (2019). China's belt and road isn't like the Marshall Plan, but Beijing can still learn from it. unctad.org/en/Projects/BRI-Platform/Pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=1984.
- McKinsey Global Institute (2019). China and the world: Inside the dynamics of a changing relationship. July.
- MOFCOM (2020). Brief Statistics on China's Direct Investment Overseas in 2019. english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntradecooperation/202002/20200202933533.shtml.
- Pettersen T.* (2013). First Chinese Merchant Ship on Northern Sea Route. barentsobserver.com/en/arctic/2013/08/first-chinese-merchant-ship-northern-sea-route-12-08.
- Reuters (2020). What's in the U.S. – China Phase 1 trade deal. January 15. www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-details-factbox/whats-in-the-us-china-phase-1-trade-deal-idUSKBN1ZE2IF.
- Samanta R.* (2019). US Accuses China of IPR Violations, Shakes Trade Deal. 27 October. articles2.marketrealist.com/2019/10/us-accuses-china-of-ipr-violations-shakes-trade-deal/#.
- Shi-Kupfer K., Ohlberg M.* (2019). China's Digital Rise: MERICS Papers on China No. 7. Challenges for Europe Mercator Institute for China Studies.
- Schumpeter J.* (1912). Die Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig: Duncker & Humblot.
- The Emerging Markets Forum (2019). Maximizing the Positive Impacts and Minimizing the Risks of the BRI in the Central Asia and South Caucasus Region: A Policy Paper. September. www.emergingmarketsforum.org/policy-paper-maximizing-the-positive-impacts-and-minimizing-the-risks-of-the-bri.
- The Hurun Research Institute (2019). Hurun Global Unicorn List 2019. 21 October. www.hurun.net/EN/Article/Details?num=A38B8285034B.
- The Telegraph (2019). Facts and figures: Belt and Road Initiative. www.telegraph.co.uk/china-watch/business/about-belt-road-facts-figures.
- The World Bank (2019). Belt and Road Economics. Opportunities and risks of transport corridors. 18 June. P. 13. www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors.
- The World Bank (2020). База данных. data.worldbank.org/indicator.

- Thompson A.* (2019). China's Silk Road Plan Facing Problems. learningenglish.voanews.com/a/china-silk-road-plan-facing-problems/4203867.
- Top500 (2019). China Extends Lead in Number of TOP500 Supercomputers, US Holds on to Performance Advantage. www.top500.org/news/china-extends-lead-in-number-of-top500-supercomputers-us-holds-on-to-performance-advantage
- UNCTAD (2019a). Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries.
- UNCTAD (2019b). World Investment Report: Annex Tables. unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx.
- Vinokurov E.* (2020). COVID–2019 and the Future of the Belt and Road Initiative. AFCA Working Paper WP/2020-12/78. AFCA: Beijing. [mail.rambler.ru/#/folder/INBOX/13019](mailto:rambler.ru/#/folder/INBOX/13019).
- Watanabe Sh.* (2020). China drops \$11bn anchors to expand Maritime Silk Road. asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/China-drops-11bn-anchors-to-expand-Maritime-Silk-Road).
- WEF (2016). Will the Trans-Pacific Partnership Agreement Reshape the Global Trade and Investment System? www3.weforum.org/docs/WEF_White_Paper_Whats_in_and_whats_new.pdf.
- WIPO (2019). The Global Innovation Index 2019. P. 5. www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf.
- WSJ (2019). China Emerges as Global Tech, Innovation Leader. 30 October. deloitte.wsj.com/cio/2019/10/30/china-emerges-as-global-tech-innovation-leader.
- Xinhua (2018). BRICS leaders to initiate partnership on new industrial revolution. July 27. www.xinhuanet.com/english/2018-07/27/c_137350447.htm.
- Zhibua Liu* (2019). Belt and Road helps build lasting economic and trade relations. 12 December. english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/201912/12/content_WS5df178a5c6d0bcf8c4c18b91.html.

ОБ АВТОРЕ

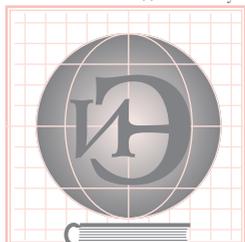

БОРИС АРОНОВИЧ ХЕЙФЕЦ

Д.э.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Член Общественного совета при Минюсте Российской Федерации, член Национального комитета по исследованию БРИКС.

Автор и соавтор более 350 работ, в том числе 14 индивидуальных монографий (4 – в соавторстве) и 13 брошюр, опубликованных в России и ряде зарубежных стран (Австралии, Белоруссии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Вьетнаме, Греции, Казахстане, Китае, Чехии, Монголии, США, Финляндии, Украине, Польше, Японии). Наиболее значимые научные публикации: «Решение долговых проблем. Мировой опыт и российская действительность» (2002); «Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика» (2003); «Как вернуть кредиты. Урегулирование задолженности иностранных государств перед Россией» (2005); «Экспансия российского капитала в страны СНГ» (2006); «Долговая политика России: актуальные проблемы» (2007); Russian Investment Abroad. The basic Flow and Features (2008); «Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства» (2008); «Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике» (2008); «Модели региональной интеграции» (2011); «Российский бизнес в странах ЕвразЭС. Модернизационный аспект» (2011); «Глобальный долговой кризис и риски долговой политики России» (2012); «Пути активизации экономического взаимодействия России и стран БРИКС» (2013); «Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы» (2013), «Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций» (2014); «Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России» (2016); «Метаморфоза экономической глобализации» (2018); «Новые экономические мегапартнерства и Россия» (2019); «Как модернизировать Евразийский экономический союз» (2019).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Б.А. Хейфец

Каким маршрутом пойдет Россия
по одному непростому китайскому пути

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 08.06.2020 г.

Заказ № 9. Тираж 300. Объем 3,1 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0666-5

9 785994 006665